

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

• Э. БАЙКОВ • В. ГЛУХОВЦЕВ •

РОЙ

Рой

Всеволод Глуховцев

Рой

«Автор»

2010

Глуховцев В. О.

Рой / В. О. Глуховцев — «Автор», 2010 — (Рой)

В засекреченной лаборатории ведутся разработки наноустройств, которые бы обладали разумом и способностью действовать. Это так называемые нановиты. Неожиданно в институте происходит мощный взрыв и вещество с нановитами распыляется в окружающее пространство. А лаборатория находится в городе... И началось... И выяснилось, что нановиты способны проникать внутрь человека, поражать его организм, менять психику и... подчинять человека себе, делать из него зомби, чтобы его руками бороться с другими людьми и переделывать мир под себя. Нановиты существуют не как отдельные существа, а в виде Роя – коллективного разумного образования. В этом сила Роя: можно уничтожить отдельных особей, но в целом Рой неуничтожим. Угроза нависает над всем миром. Людям в нем места нет – так решил Рой, новая раса живых существ, созданная руками человека и враждебная ему. Значит, людям нужно суметь объединиться, выжить и бороться с врагом. Каждый, мужчина и женщина, дитя и старик – обязаны стать бойцами. Как в былые доисторические времена, человечество, чтобы выжить и вернуть себе Землю, должно стать расой воинов, охотников и героев...

© Глуховцев В. О., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Часть I В Потемках	5
Глава 1	6
1	6
2	8
3	9
4	11
5	12
Глава 2	15
1	15
2	16
3	19
4	21
Глава 3	26
1	26
2	30
3	34
Глава 4	38
1	38
2	40
3	41
4	42
5	43
6	44
7	45
8	46
9	47
10	48
Глава 5	50
1	50
2	51
3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эдуард Байков, Всеволод Глуховцев Рой

Часть I В Потемках

Из сообщений мировых информационных агентств, январь 2012:

«РУССКИЕ ВЕДУТ!»

Российским ученым удалось совершить грандиозный прорыв в области нанотехнологий.

Как сообщил в интервью профессор Григорий Мерецкой, успешно завершены опытно-конструкторские работы по созданию наноскопических автономных устройств.

По словам ученого, первые нанороботы практически готовы к запуску в серийное производство. «Рабочая технология уже создана», – уверенно заявил Г. Мерецкой».

Глава 1

1

– Алексей Владимирович!

Пауза. Секунда, две, три...

– Алексей Владимирович!

Меркурьев поморщился. Мысль сбилась. Не дают работать, заразы... Он попытался настроиться, но мысль уже упорхнула. Тьфу ты, гадство!

– Ну, что там еще? – он высунулся из-за монитора.

Репортерша Вика потрясла телефонный трубкой, микрофон которой она предусмотрительно зажала ладонью.

– Вас, – скосила она глаза на трубку.

– Кто?

– Ну, а я знаю?! – удивилась Вика. – Женский голос, старческий.

– Нет меня, – Меркурьев вновь скрылся за компьютером.

– Как это нет?! – девушка взметнула брови. – Я же сказала – сейчас позову!..

Удачная фраза сама сложилась в голове Алексея. Он довольно хмыкнул и еще быстрее застучал по клавишам.

– Как «нет»?.. – проговорил он. – Да так вот и нет. Ушел я. Уехал. Улетел! А может, даже умер.

– Ну-у, Алексей Владимирович... – протянула Вика. – Я что, так и буду стоять?..

– Стоять всегда, стоять везде, – продекламировал Алексей, – до дней последних донца! – и звучно шелкнул клавишей восклицательного знака. – Уже иду, – он встал.

Алексей Меркурьев был колумнистом и научным обозревателем еженедельника «5555», объявлявшего себя «газетой для городских интеллектуалов»; впрочем, пятерки не столько намекали на уровень элитарности, сколько со скромной гордостью напоминали о географическом положении города: на 55-м градусе северной широты и 55-м – восточной долготы.

Меркурьев обладал особым талантом – ухватить самую суть научной проблемы, а затем изложить ее точно и ярко. Там, где ученый-специалист затянул бы невыносимо нудную муть, Алексей мог так сверкнуть словом, что читателю все становилось ясно, и статья легко читалась от начала до конца.

За это Меркурьева в «пятерочках» ценили и платили приличные гонорары. Сам же он шутил – мол, ему дают деньги за его собственное удовольствие. Это правда: он представлял собой тот счастливый случай, когда работа и увлечение совпадают. Впрочем, за это приходилось расплачиваться общением с полусумасшедшими изобретателями, уфологами, астрологами и экстрасенсами... Для такой публики все пути в редакции вели к Меркурьеву. Поначалу с ними было забавно, потом они надоели хуже горькой редьки. Но ничего не попишешь – при появлении в редакции очередного гения с проектом космической электростанции сотрудники дружно указывали на корреспондентскую, где обитал Алексей.

Когда Света сообщила про старушечий голос, чутье подсказало журналисту, что бабка сейчас начнет толковать либо о том, как ночью она увидела загадочный летающий объект, либо о лечении всех болезней посредством отвара из лопухов, настойки из еловых шишек и тому подобного говна. А его, Алексея, ждет незаконченная статья, которую надо срочно сдавать в номер... Он вздохнул и перехватил трубку из Викиной руки.

– Слушаю вас!

– Здравствуйте. Это Алексей?.. э-э, Меркурьев, простите, не знаю вашего отчества...

– Он самый, – Меркурьев постарался придать голосу побольше вежливости. – Можно без отчества, просто Алексей.

– Да?.. Очень приятно. Я всегда с таким интересом читаю ваши статьи...

Пришлось выслушать ряд витиеватых похвал своему журналистско-писательскому мастерству – бабулька оказалась интеллигентной, бывшей учительницей музыки. Выражалась она обстоятельно, долгими периодами – Меркурьев потихоньку начал звереть, но тут бабка вовремя прекратила предисловия и перешла к делу.

– Я, собственно, почему вам звоню. Прошлой ночью я наблюдала удивительное явление: необычный оптический эффект, возможно, обман зрения...

Вот оно – Алексей оказался провидцем. В самом деле, одинокой пожилой женщине не спалось, она читала, смотрела телевизор, потом решила выйти на балкон, благо майская ночь была теплой.

– ...у меня, знаете ли, чудесный вид из окон, двенадцатый этаж. Я живу в Белой роще, где биологический институт, знаете?

Меркурьев вздрогнул от неожиданности. Он не только знал этот институт – именно о нем и писал статью, что ждала его на мониторе компьютера. Статья о разработках института в области генетики.

– Знаю, – он не смог скрыть своего удивления.

– Ах, да! Уж кто-кто, а вы-то...

Затем собеседница поведала, как она вышла на балкон в час ночи, как увидела звездное небо над собой и лесную темень внизу: Белая роща представляла собой парковую зону на юго-восточной окраине города, где она переходила в леса, а те километров через сто – в бескрайнюю уральскую тайгу. В этой спящей тьме влажно мерцали огоньки предместий и дальних поселков, и ярким прямоугольником сиял обнесенный высоченным забором периметр институтской территории – объект был режимным, выполнял в том числе военные заказы, поэтому охранялся строго.

Так вот – старушенция увидела все это, вдохнула поглубже ночной воздух и...

И потом взгляд ее отчетливо уловил, как странное марево задрожало чуть левее институтской ограды – так бывает, когда в жаркий полдень нагретая земля отдает свое тепло. В такие моменты становятся видны прежде незаметные воздушные токи: пространство живет, дрожит, призрачно переливается... Но то в жару, днем. А тут – ночь. И вообще возникло такое ощущение, словно нечто огромное вдруг заклубилось во тьме, а затем вершины деревьев заколыхались одна за другой – по верхушкам березок побежала волна, будто покатился огромный незримый клубок. Волна побежала на восток, как бы охватывая город по дуге: это бабушка тоже приметилла.

– Наверное, просто ветер, – не удержался от ухмылки Алексей, но его собеседница была тверда.

– Нет – сказала она, – ветер таким не бывает. Уж я-то знаю... Не ветер это. Хотя ветерок в ту ночь тоже был.

Меркурьев мысленно послал наблюдательную особу по самому известному в широких кругах адресу, но вслух, конечно, заговорил о том, что-де он обязательно постарается выяснить, что за феномен такой, проконсультируется со специалистами, все узнает и сообщит... короче говоря, профессионально уболтал старушку, выудил у нее «до свидания» – и тут же брякнул трубку на рычаг, «позабыв» узнать имя и номер телефона собеседницы.

Вика с восхищением глазела на старшего коллегу:

– Вот это класс! Так проехать по мозгам...

– Учись, студентка, – Алексей подмигнул, – пока я жив. Хотя теперь уж точно умер на два часа. Нет меня – ни для кого! Срочно статью шефу – иначе секир башка.

2

Казалось бы, что можно написать о работе научно-исследовательского института, да еще полувоенного? Да ничего! Обычная рутина, скучное перечисление цифр и формул, фактов и концепций. Когда Меркурьев услышал от редактора о задании, то приуныл, хотя виду, естественно, не подал. Но главный редактор (главред – по выражению сотрудников), старый газетный волк, да и психолог неплохой, мигом раскусил подчиненного.

– Ты не куксись, – посоветовал он. – Я тебе тупых заданий не даю. Тут дело непростое, с подковыркой. Поясняю...

Понятно, что руководитель крупной газеты – лицо во всяких городских слухах и сплетнях информированное не хуже, чем начальник уголовного розыска. У него множество своих источников, к нему лично стекаются ручейки интересных и никчемных, странных и рядовых, официальных и частных, сенсационных и... всяких разных сведений. А уж разобраться в них и с ними: что дать, что придержать, а что вообще похерить на века – это шеф умел. Вот и сейчас – какими-то только ему известными путями пришла к шефу «пятерочек» «инфа» о том, что в институте темнят, не все там так просто, как кажется с виду.

– А что именно, Юрий Павлович? – насторожился Алексей.

Шеф слегка поморщился, как делал всегда, если не мог четко сформулировать мысль.

– Понимаешь, чую я – что-то такое у них там творится, что-то они скрывают от властей, а может, и от начальства своего. Потому и хочу послать тебя на разведку. Формально задание простое как кубометр: написать очерк о передовом крае науки и все такое. Как-никак мировой уровень, знаменитости там всякие... Про профессора Мерецкого слышал?

– Даже писал. В январе, помните?

– А, точно. Так вот, темнят, черти... Вот ты и постарайся разнюхать на месте: что там к чему. Да и в статье нужно намекнуть – так, между строк – мы, мол, кое о чем умалчиваем, но знаем... в общем, не тебя учить как стряпать газетные утки. Посмотрим на их реакцию. Да, и постарайся завести личные контакты.

А вот насчет последнего шеф сказал зря – действительно, не Меркурьева этому учить. Помимо писательского дара у него и репортерская хватка была на зависть коллегам.

В общем, отправился он выполнять задание.

В кабинете директора института Алексей с простодушным видом завел разговор о своем интересе к новейшим достижениям микробиологии и генетики. И заметил, конечно, что хозяин кабинета – моложавый, холеного вида мужчина в дорогом костюме, больше похожий на крупного бизнесмена, чем на ученого – хотя и слушает гостя, улыбается и кивает, но прежде всего думает о том, как бы ему поскорее сплавить этого внезапно свалившегося на его голову журналюгу... На что Меркурьев и рассчитывал. Маневр удался: директор вызвал к себе зама по научной работе.

– Вот с ним – во всех подробностях, – вежливо пояснил он. – Разумеется, у нас есть несколько закрытых тем, о них не имеем права, а обо всем прочем – полный простор для творчества...

Тут появился заместитель, в отличие от своего шефа выглядел он настоящим ученым: пожилой, в свитере, мятых брюках, на носу – очки в допотопной оправе... Директор наскоро познакомил мужчину, и те перебрались в кабинет зама, небольшую комнату с компьютером и новеньким ноутбуком на столе, и со шкафами, доверху набитыми толстыми папками, амбарными книгами и просто кипами бумаг.

– Так что вас интересует? – поинтересовался ученый.

Звали его Семен Ильич, и был он, само собой, доктором наук в звании профессора.

– В первую очередь, конечно, гениальная инженерия, – тут Алексей запустил речь о нынешних и грядущих чудесах биотехнологий, способных вызвать к жизни невиданные фантазмагии и вообще перевернуть весь привычный для нас мир...

Признаться, это был психологический прием: Алексей хотел раззадорить собеседника, надеялся, что тот загорится, начнет болтать без умолку – а хитроумному Меркурьеву только этого и надо, глядишь, кое-что и выведает.

Увы, ничего подобного не случилось. Профессор выслушал бойкую тираду с полным равнодушием, а потом устало снял очки, покусал дужку и скучным голосом заявил, что это наивное представление о науке, по крайней мере, о генетике.

– Это, знаете, – он махнул рукой в сторону, – дело философов или фантастов – в облаках витать. А мы люди земные, от философии далекие. Наше дело опыты, наблюдения, расчеты – день за днем, месяц за месяцем... Сенсации в других местах искать надо, не у нас, это уж точно.

Меркурьев тут же нашелся и заверил, что ему сенсации ни к чему, наоборот, интересны как раз те самые будни – черновая, не парадная жизнь науки, отчего и хотелось бы познакомиться с рядовыми сотрудниками, посмотреть их за работой, понаблюдать за проведением опытов... Зам отнесся к этому, как к общественной нагрузке, бессмысленной, но неизбежной: вздохнул, позвонил завхозу, чтобы тот принес комплект спецодежды – халат, бахилы, марлевую маску... Сам облачился в то же, и они отправились на экскурсию по институту.

3

Память у Алексея была прочная, профессиональная: сейчас, сидя за компьютером, он легко восстановил события. То есть, как они с Семеном Ильичем зашли в одну лабораторию, в другую... Сотрудники, как полагается при появлении начальства, да еще в компании с журналистом, вели себя сдержанно, на вопросы отвечали общими дежурными фразами.

Меркурьев примерно такое и предполагал, не учел только одного обстоятельства: он надеялся, что сумеет кое-что распознать по недомолвкам и выражениям лиц сотрудников – внутреннюю напряженность, к примеру, или еще какие прозрачные намеки. Но в том-то и беда, что лиц как таковых не было! Все в лабораториях были в масках и шапочках – одни глаза. На вопросы отвечали кратко, сухо, без эмоций.

Алексей побывал в разных местах, выслушал мудреные речи, добросовестно записал данные – но все это было не то, не за этим он сюда пришел. Нужно было срочно что-то придумать. И он придумал. После посещения очередной лаборатории он забеспокоился, что не преминул заметить его сопровождающий.

– Что-то не так? – осведомился Семен Ильич.

– Да. Честно говоря, не успел позавтракать, аж живот сводит... У вас тут можно где-нибудь перекусить?

– Конечно, – равнодушно отозвался провожатый. – Сейчас организуем.

Меркурьев поспешил заверить, что не стоит беспокоиться, он сам найдет столовую, видел ведь – мимо проходили. К тому же понаблюдает, как обедают сотрудники – для хорошего очерка просто необходимо окунуться в среду...

Зам опять без особых чувств согласился, и они временно распрощались.

Время было обеденное, и в столовой толпились и шумели сотрудники – в большинстве своем молодые люди. Без масок и шапочек они казались раскованными, не то, что на рабочих местах. Алексей скромно пристроился в очередь, взял дежурное блюдо – первое, второе, сок, затем обосновался в углу так, чтобы обозревать весь зал.

Вскоре к его столику с подносом подошел кучерявый парень.

– Разрешите? – осведомился тот.

– Конечно, конечно! – Алексей с готовностью подвинул в сторону свои тарелки.

– Спасибо, – молодой человек поставил поднос, уселся напротив. – Вы меня не узнаете?..

Выяснилось, что Меркурьев полчаса назад побывал в их лаборатории, где в масках все были неразличимы. Артем, так звали биолога, как раз отвечал на его вопросы.

За едой поговорили о том, о сем – совершенно пустой, формально-вежливый разговор... Вскоре Алексей заметил, что молодой человек о чем-то явно не договаривает, но не решается сказать здесь, в стенах института. Наскоро проглотив остатки обеда, журналист улыбнулся:

– Рад был с вами познакомиться. Если возникнет желание пообщаться... – он ловко просунул меж тарелок визитку. – Буду рад встретиться, поговорить о проблемах науки.

Попрощался и двинулся к выходу.

Остальное время в институте прошло обыденно. Визитер слушал, кивал, чиркал в блокнот, включал и выключал цифровой диктофон. Под конец поблагодарил зама и поспешил откланяться.

В целом, у Меркурьева все же сложилось впечатление некой недоговоренности – о чем и доложил шефу, подтвердив подозрения последнего. Правда, фактов было ноль. Единственная зацепка – молодой сотрудник Артем. Поэтому закончил он свой отчет на оптимистической ноте:

– Уверен, парень вскоре позвонит.

Редактор почесал лысину тупым концом карандаша:

– Позвонит – не позвонит... А ждать нам некогда. Давай статью срочно в номер. Пиши так, как обговорили нынче – дескать, кое-что знаем, но пока не раскрываем всех карт. А позже дадим бомбу. Ждите продолжения.

– Палыч, а будет ли бомба? – позволил себе усомниться Меркурьев.

На что редактор ответил давно знакомой ему житейской мудростью:

– Подумаем об этом завтра. И вообще, это уже не твоя забота. Главное – ввязаться в бой, а там видно будет... Я тут еще кой-какие свои контакты задействую. Глядишь, подкину тебе жареных фактов. Давай, работай!

...И вот, заканчивая статью, Алексей вспомнил все это в связи со звонком зоркой бабуси. Нет, удивительные все-таки случаются совпадения! Он покачал головой и отстучал название очерка – его привычкой было придумывать заголовки в финале работы над материалом: «ЗА СЕМЬЮ ЗАМКАМИ ГЕНЕТИКИ. Тайны, которые хранят стены биологического института».

– Все! – облегченно воскликнул Алексей, быстро распечатал свой труд на принтере и побежал к шефу.

Такое впечатление, что тот только его, Алексея, и ждал.

– Принес? – тоже с облегчением спросил главред и тут же углубился в текст.

Прочел. По лицу его Алексею показалось, что от очерка шеф не в восторге, но ведь задача была ясна с самого начала – попытаться нарыть чего-нибудь, а если не удастся – то высосать из пальца...

– Та-ак, ну ладно... – протянул шеф и своим неизменным карандашом бегло расчеркнулся на каждом листе, утверждая материал в печать. – Посмотрим! – сказал он многообещающе. – Думаю, должно сработать.

– Я тоже так думаю, – поддакнул журналист. – И потом у нас в запасе этот Артем... Юрий Палыч, так на сегодня все – я свободен?

– Как негр в Африке, – с мрачным юмором ответил главный. – И завтра тоже. Можешь отдыхать. А вот послезавтра – как штык!

Алексей воспрянул – такого щедрого подарка от начальства он никак не ожидал. Мигом мысль нарисовала картину сегодняшнего вечера: огромный экран домашнего кинотеатра, пиво с копченой рыбкой... Живем!

– Ну, тогда я побежал, – заторопился он. – А уж послезавтра, с новыми силами... До свидания!

4

Алексей Меркурьев жил один в двухкомнатной квартире, доставшейся ему от родителей. В свои тридцать пять он так и не сподобился жениться. Вроде, парень интересный, умный, спортивный, и подруги вниманием не обделяли... А вот семьей обзавестись пока не получалось. Не встретил нужного человека – пожимал он плечами в ответ на чьи-нибудь назойливые расспросы.

Дом, девятиэтажка, был когда-то не то, чтобы элитный, но и не тупорылой публикой заселен – квартиры в нем получали врачи, учителя, инженеры... словом, интеллигенция невысокого полета. Конечно, за годы много всякой воды утекло: кто-то разменялся, переехал; в период лихолетья постаревшие советские интеллигенты, оказавшиеся во взбаламученном море новой жизни, вынуждены были продавать жилье – единственную имевшуюся у них ценность... Так в подъезде появлялись новые люди, часть квартир стала сдаваться внаем, иные перепродавались во второй, а то и третий раз.

Шагая дворами домой, Меркурьев не сказать, чтобы думал об этом, но какая-то неясная грусть окутала его. Вспомнилось многое из прошлого... Алексей поднял голову, глянул в вечернее небо, потом перевел взгляд ниже. Город только-только начал таять в майских сумерках, нежно-сизая дымка стелилась по горизонту... и тут Алексей вздрогнул, замер на месте.

Случилось нечто невероятное. Там, в дальней призрачной дымке, что-то сгустилось, закружилось – будто живое! и на один неуловимый миг даже почудилось, что в этом сумрачном сгустке мелькнули очертания – лица не лица, маски не маски, чего-то чудовищно искаженного, получеловеческого... но все это в один миг – нет, полмига! – точно жуткий фантом вспыхнул не наяву, а в мимолетном обмороке. Р-раз! – и нет его.

Конечно, Алексей обомлел. С минуты стоял столбом. Потом очнулся.

– Чушь какая-то... – неуверенно пробормотал он.

Точно, чушь. Бывает – устал, мозг отключился на долю секунды... Бывает так. Алексей встряхнулся и зашагал домой.

Но мысль уже работала, и она была тревожной. Сразу и тот телефонный разговор выплыл на поверхность сознания. Бабке-то почудилось то же, что и Алексею сейчас. Словно массовая галлюцинация какая-то... А еще сюда каким-то боком втискивался биологический институт. То есть чутье ему подсказывало, что это так – есть связь между всеми этими событиями. Меркурьев помрачнел и неприятно для себя застрял на последней мысли. Стоило ему побывать в институте, как тут же самому привиделось нечто. Так что все это значит?!..

Тут Алексей малость испугался своих выводов. Бред все это! Устал просто, вот и примерещилось, а с перепугу все совпадения стали казаться зловещими... Надо выбросить вздор из головы, хватить пивка – вот оно уже в пакете – включить DVD-плеер и ни о чем таком не думать. А потом вырубиться, отоспаться от души и проснуться утром с мыслью, что впереди еще целый день отдыха.

От этого Меркурьев повеселел, зашагал бодро, а метров за двести до подъезда его окликнули:

– Владимирыч!

Алексей обернулся. Его догонял сосед по площадке, майор МЧС Николай Ракитин.

Он был как раз из «новых» жильцов, въехал в этот дом лет пять тому назад, будучи еще капитаном. Оказался нормальным мужиком и хорошим соседом, приветливым и не назойливым. Такими же были его жена и дочь. Больше о нем Меркурьев почти ничего не знал, так как старался не лезть в чужое – своего хватало... Ракитин тоже не совался к Алексею с расспросами да советами, разве что однажды – по случаю получения майорской звезды – завалился к соседу, уже порядком подшофе: отмечали на службе – сообщил он.

– Я ненадолго, – сразу предупредил гость, приметив светящийся экран компьютера. – Давай за очередную звездочку накатим по сотке: как-никак теперь старший офицер... Да и тебе в дело: вдохновение попрет как танк. О чем пишешь-то?

Алексей объяснил, что очерк будет о всяких загадочных местах – существуют такие в городе: говорят, там энергетика особенная. Например, старое кладбище на юге. Есть энтузиасты, которые там по ночам блуждают с не менее загадочными приборами, измеряют что-то...

Хмельной майор только хмыкнул:

– Это что... Вот у нас спецсклады подземные на случай войны – вот уж места так места! Это, дорогой товарищ, такое, что никакой Шехерезаде не придумать... Но – т-сс!.. – он с хитрым видом приложил палец к губам. – Военная тайна!

Меркурьев с пониманием кивнул, они выпили, немного поговорили, и Ракитин ушел. А когда наутро встретились случайно на площадке, майор, который тяжело дышал и смотрел воспаленными глазами, после первого хмурого «здоров» быстро пригнулся к уху журналиста:

– Слышь, я вчера спьяну брякнул тебе про подземные склады – так ты того... ну, понимаешь...

– Да не кипишуй ты, – отмахнулся Алексей. – Я ж не маленький. Что вчера слышал – то вчера и умерло.

– Вот и лады, – у Ракитина явно гора с плеч свалилась.

Это было два года тому назад...

5

– Здравствуй, Владимир, – повторил Николай, нагнав Меркурьева.

Они обменялись рукопожатием, пошли рядом. Журналист заметил в левой руке Ракитина объемистый хозяйственный пакет. Цепкий взгляд распознал, что там, внутри.

– Вечерний отдых? – Алексей с улыбкой кивнул на пакет.

– А-а, мать их... – Николай махнул свободной рукой и выразился непечатно. – Я ж один, на холостяцком положении. Своих к теще отправил в деревню. В школе-то теперь каникулы сплошные – то новогодние, то Первомайские... Не учеба, а цирк какой-то!.. В общем, сам понимаешь – на подножном корму я. Сейчас приду, стряпать буду. А пузырь само собой – устал как собака, сутки оттрубил дежурным по Управлению.

– На телефоне сидел?

– Ну да, и не только. А сутки выдалась – я таких давно не припомню. Как будто вся шиза зашевелилась, из всех щелей полезла...

– То есть? – напрягся Алексей.

– Да шквал звонков дурацких. Какие-то глюки сплошные: одному то привиделось, другому – это... И такую, знаешь, хрень несут! – ты бы слышал, так упал бы... Да, кстати, это ж вроде по твоей части. Может, сегодня какое обострение у этих психов? Ну, там, вспышки на Солнце, магнитная активность... Чем тебе не тема!

Ракитин шутил, но Алексею было не до шуток. От слов майора про массовые видения у него так и опустилось все внутри. Неужели?..

– Постой, – голос чуть не дрогнул, но Алексей совладал с ним. – А что именно им чудилось, психам этим?

– Да черт-те что! Говорю же – хрень разная. Один звонит – голос визгливый, истеричный. Кричит, будто вышел из квартиры, стал спускаться по лестнице, и тут прямо на глазах стена подъезда стала шевелиться...

– Шевелиться?.. – эхом повторил Алексей.

– Ну, вроде того. То ли поплыла, то ли потекла – как масло на сковородке. Вообще, говорит, будто весь дом поплыл... Твердь земная превратилась в волны – прям так и сказал, собака! Поэт какой-то.

– А вы?

– А что мы? Спрашиваем: а теперь-то что? Что с домом-то, со стеной? Ничего, говорит, прошла волна, и все снова на месте. Знаешь, таких клоунов пруд пруди, чуть не каждый день называют. Но сегодня что-то особенное! Нет, точно на Солнце фигня какая-нибудь творится. Сперва у этого придурка крышняк съехал, потом еще у нескольких. Звонок за звонком: все-то им мерещится, как вещи разные оживают, шевелятся, текут, плывут...

– Да, кстати, – добавил майор, – мы телефончики всех звонивших пробили. Так вот, все абоненты – обычные граждане, на учете ни в психушке, ни в ментовке не состоят. Вот и думай после этого – кто нормальный на самом деле...

Так они дошли до подъезда. Меркурьев больше расспрашивать не стал, постарался улыбнуться, виду не подать – хотя на душе у него, конечно, сделалось тухло. Какой уж теперь свободный вечер – и пиво не в радость. И не избавиться от мысли, сколько ни гони ее, что вокруг происходит что-то непонятное, тревожное... а главное – никто ни о чем толком не знает, и никому об этом не расскажешь, если не хочешь, чтобы приняли за сумасшедшего.

Алексей невнятно мыкнул что-то, насупился... Ракитин подметил перемены в соседе уже на площадке первого этажа.

– Ты что задумчивый такой стал?

– Да нет... так, – Алексей натянуто улыбнулся.

Прибыл лифт, со скрипом потащился на восьмой этаж, где оба жили. Пока поднимались, Ракитин внезапно оживился:

– Слушай, чуть не забыл... Знаешь ту квартиру на третьем этаже, откуда жилыцы съехали? Те, что снимали?

– Ну... да...

– Так вот – поздравляю! Новые заселились.

– Ну и флаг им в руки... А поздравлять-то с чем?

– А с тем, дорогой товарищ, – тут майор хитро прищурился, – что жилыцы особенные. Девыцы! – произнес он с особым значением. – Сечешь?

Меркурьев просек, усмехнулся:

– Древнейшая профессия?

– Она самая. Мне про них Мишка сказал, омовец.

Лейтенант городского ОМОНа Михаил Зверев, детина – сила есть, ума не надо – тоже снимал квартиру, только на пятом этаже.

– ...погоди, говорит, я им еще субботник устрою, – со смехом передавал Николай замыслы любвеобильного омовца. – А я так мыслю: субботников не надо, а так, честь по чести, с честным деловым предложением... Я временно холостой, ты и вовсе человек свободный, что нам стоит! А?..

Алексей поспешил сказать: «Подумаем...», попрощался и шмыгнул к себе. Дальше разговаривать, делать улыбочивый вид было невыносимо.

Очутившись в квартире, Меркурьев плюхнулся в кресло и долго просидел в вялом ступоре. Не хотелось ни думать о чем-либо, ни шевелиться. Даже пива не хотелось. Противная вялость овладела им.

Сумерки вливались в комнату, превращая ее и умолкнувшего хозяина в царство сонных теней. Меркурьев и впрямь задремал, оказался будто в сером коконе – цвета и звуки внешнего мира не могли сюда прорваться... как вдруг оболочку кокона прорвал резкий звонок мобильного.

Алексей вздрогнул и разом очнулся.

«Какого хрена!» – пробормотал он и потянулся к дребезжащей трубке.

– Слушаю, – недовольно бросил он.

Голос оказался незнакомым. Но спрашивали его.

– Извините, что так поздно. Меня зовут Павел. Павел Мальцев. Сегодня вы были в нашем институте. И дали визитку моему товарищу... Артему.

– Ах да, – сонливостью как рукой сняло, Алексей подобрался.

– Нам надо поговорить. Я мог бы рассказать много интересного. Если вы не против...

– Ну что вы, скорее наоборот...

– Когда мы сможем встретиться?

Меркурьев почесал подбородок:

– Завтра в любое время после десяти утра. Как вам будет удобно.

– Ага. Давайте в одиннадцать возле кафе у Дома журналистов.

– Отлично! – Алексей воспрянул, улыбнулся, как будто собеседник мог его видеть. – А как мы узнаем друг друга?

– Я вас узнаю – видел сегодня в институте.

– Тогда до встречи!

Журналист отключил мобильник, вскочил, направился на кухню, напрямиком к холодильнику:

– Ну, где вы там, мои бутылочки...

Глава 2

1

Ночь выдалась ужасной. Редко когда такие ночи выпадали! Алексея мучили кошмары, он в страхе просыпался, затем вновь проваливался в темный омут. Снились преследовавшие его монстры, нелюди. Он бежал, ноги подгибались, но никуда от них не удавалось скрыться – они были повсюду. А вот люди почему-то ничем не могли ему помочь... Просто муть какая-то!

Но утро выдалось солнечным, теплым. Как награда ему за ночную жуть. Ну, и встреча предвещала сюрпризы.

В половине одиннадцатого Меркурьев вышел из дома и неспешно потопал к Дому журналиста, где располагалась и редакция их «пятерочек». А рядом кафе, в котором он частенько с коллегами обедал, а иногда и коротал вечера.

Алексей шел и думал о предстоящем разговоре. Если парень из института – как там его... ах да, Паша, Павел Мальцев – сообщит хоть что-нибудь стоящее, можно будет дать обещанное читателям продолжение, может, даже и не в одном номере. А потом аккуратно закрыть тему.

Без пяти одиннадцать он стоял у входа в кафе. Зыркал по сторонам. Если бы имел привычку коптить небо, то обязательно закурил бы. Но Алексей не курил, наоборот, к дурным привычкам относился отрицательно – так как был человеком спортивным. От крепких напитков его воротило, а вот пиво любил, но баловал себя не часто. Ну и там винишко с какой-нибудь очередной пассией.

Время шло, а нужный человек не появлялся. Где-то в четверть двенадцатого мобильник Алексея ожил. Это был тот самый Павел.

– Бога ради простите меня, Алексей. Пробки кругом, застрял... Я сейчас в книжном магазине напротив, жду вас там.

Меркурьев дал отбой, ворча, направился к перекрестку, перешел улицу и вскоре очутился в магазинчике. Кроме скучающей знакомой продавщицы – пожилой тетеньки, там никого не было. Алексея это уже начало злить.

Снова запиликал телефон.

– Алло!.. – раздраженно бросил он.

– Это Павел. Пройдите, пожалуйста, к девятиэтажке рядом, справа от магазина, я к вам спущусь. И... я все вам объясню.

Что за дела?! – Алексей вскипел. Но сделал так, как его просили. Что за дурацкие игры в шпионов?..

На крыльце соседнего дома его ожидал долговязый парень в моднястых темных очках. Он шагнул к журналисту, протянул руку.

– Добрый день. Я – Павел. Точнее, меня зовут Игорь и фамилия моя не Мальцев, а Рябинин.

И заметив удивление на лице собеседника, поспешил объяснить:

– Вы уж извините, что пришлось помотать вас. Институт у нас режимный, спецслужбы там, ФСБ... сами понимаете. А самое главное, я приписан к секретному отделу. Наша группа особая, соответственно, и контроль за нами особый. Все здание института утыкано камерами слежения, столовка тоже. Там могли засечь, как вы передавали визитку лаборанту Артему. Вот я и страховался на всякий случай.

– Что ж, разумно, – развел руками Меркурьев. – Но вы хотели сообщить мне что-то важное...

– Верно. Давайте пройдем в сквер, там и поговорим.

В сквере, располагавшемся неподалеку, было малоллюдно. Лишь две молодые мамы выгуливали своих чад в сторонке. Алексей достал диктофон, спросил:

– Не возражаете?..

– Все в порядке, – кивнул собеседник и начал свой рассказ.

Постепенно перед журналистом нарисовалась картина, от которой брови у него поползли вверх.

– Вы, наверное, читали сообщения где-то с полгодика назад о прорыве русских ученых в области нанотехнологий?

– Помню такое. Группе исследователей под руководством профессора... э-э, Мерецкого, если не ошибаюсь, удалось вплотную приблизиться к созданию первых нанороботов. Если это, конечно, не очередная утка моих коллег, запущенная в погоне за дешевой сенсацией.

– Нет, это не утка. Профессор Григорий Геннадиевич Мерецкой действительно руководит группой, которой удалось создать первые модели наноустройств, о чем так шумела пресса в январе...

– И я грешным делом шумел, было дело.

– Да, да. Но...

– Что – «но»?

– Но все это лишь верхушка айсберга. Чем они на самом деле занимаются... – Игорь пожал плечами. – Под зданием расположена подземная лаборатория: два этажа вниз. Там они днюют и ночуют, иной раз неделю их не видно.

– А вы? – журналист прищурился.

– Я посредник между этой группой и остальными сотрудниками института. Ведь им тоже нужно постоянное снабжение многими вещами – от приборов до продуктов питания. Всем этим занимаюсь как раз я. Помимо членов этой группы, гендиректора и его зама по безопасности, еще только у меня имеется допуск в лабораторию.

Какое-то время Алексей переваривал услышанное, затем тряхнул головой:

– Значит, чем они там занимаются, вы не знаете. Но догадываетесь?..

Ученый криво усмехнулся:

– Ну, что касается нанороботов, то это уже реальность, Алексей. Теперь остается лишь снабдить их искусственным интеллектом. То есть заложить в каждого «гномика» программу – ту, которая необходима оператору.

– Например?

– Ну-у... все, что хотите. К примеру, очистка кровеносных сосудов от холестериновых бляшек. Да что угодно!

Алексей верил и не верил ушам своим. Сам не раз живописал о предстоящих чудесах, размышлял о перспективах и опасностях нанотехнологий... Однако хорошо все это на бумаге, а когда пойдут овраги...

– Но эти устройства должны обладать мышлением! – воскликнул он. – Разве такое возможно?!

– Я не разбираюсь во всех тонкостях, но сто к одному, что они именно этим сейчас и занимаются. Вкачивают программы в своих «гномиков». И... видимо, они близки к созданию искусственного интеллекта.

– О-бал-деть! – только и смог произнести Алексей.

2

Где-то еще с полчаса они беседовали. Затем разбежались, но предварительно договорились о встрече на следующий день в условленном месте. Алексей помчался в редакцию – отдых был позабыт.

Проигнорировал лифт и побежал по лестнице на свой седьмой этаж, где обосновалась редакция еженедельника «5555». Влетел в комнату, второпях поздоровался с сослуживцами и запустил компьютер. Скачал файл с диктофона, прослушал в наушниках и скинул запись на флэшку.

Спустя минуту он уже сидел напротив главного редактора.

– Ну, ты орел! – удивленно покачал головой шеф. – Если здесь, – он потряс флэшкой, – действительно то, о чем ты говоришь, то премиальные тебе обеспечены.

– Ловлю на слове, Юрий Палыч, – журналист откинулся на спинку стула и приготовился слушать запись повторно.

Главный подключил колонки к ноутбуку, выбрал в меню закладку «Воспроизвести файл». И наострил уши.

По мере прослушивания полноватое лицо его менялось – радостная ухмылка расплзлась во всю ширь физиономии. Когда запись закончилась, он хлопнул ладошкой по столу:

– Это бомба! Та самая... Ну повезло тебе, Лешка, да что говорить, всем нам повезло – теперь рейтинг подскочит вместе с тиражом.

Он вскочил с места, заходил по кабинету.

– В общем, так! Дадим на первой полосе, но лишь анонсом. А весь текст будет на развороте с цветными снимками – институт, лаборатории, ученые-генетики в спецодежде. Затем пару-тройку изображений наноустройств, пусть Славка найдет в Сети...

Славка – Вячеслав Худиков, был штатным художником-оформителем, компьютерным дизайнером. Но в Меркурьеве проснулся охотник, идущий по следу.

– Сам найду все иллюстрации, – заявил он.

– Сам – так сам, – тут же согласился шеф и спросил: – Останешься работать над материалом?

– А то! – Алексей вскочил с места.

– Вот и лады. А завтра можешь не выходить. Оно и к лучшему: чует мое сердце, что кое-кому не понравится наше расследование. Денек посиди дома, чтоб лишний раз не дергали, а я тебя прикрою.

Алексей кивнул и уже собирался выйти, как шеф его окликнул:

– А зачем на флэшку-то записал, я же мог по внутренней сети к тебе зайти?

– Так ведь, сами понимаете, теперь все нужно держать в тайне, иначе спалим источник. Поэтому аудиофайл я положил в папку вне доступа.

– Хвалю. Настоящий разведчик из тебя получится, Алексей Владимирович.

Главный шутил – и это было хорошим знаком. Значит, беспокоиться не о чем, остается поскорее накатать статью и вернуться к пиву и рыбе. Плохие же предчувствия исчезли сами собой.

Пальцы Меркурьева лихорадочно стучали по «клаве». Вот это будет гвоздь номера! Статья наделает шума, сам он получит премию, потом напишет книгу об этом и отдаст рукопись в издательство. Одним словом – полоса везения. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить...

...Через час Алексей сбежал по ступенькам широченного крыльца Дома журналистов, вдохнул полной грудью свежий майский воздух и весело зашагал по направлению к дому. Благо пройти предстояло всего-то три квартала.

Радостные мысли теснились в его голове. И половина из них вертелась вокруг тележурналистки Светланы Мамаевой. Света работала в государственной телерадиокомпании, у нее была своя авторская программа «Городские слухи». А еще она была очень и очень привлекательной двадцатипятилетней особой, да к тому же не замужем. Ну, в общем, нравилась она Леше, чего уж тут скрывать-то... Вроде, и он ей не был неприятен. Несколько раз они встречались, ходили в клубы, танцевали, сидели в кафешках. Иногда он подкидывал ей интересные темы, иногда – она ему.

Вот и сейчас у него выстраивались определенные планы: пригласить ее куда-нибудь, можно и домой, заинтересовать тайнами биологического института, а потом... ну, война план покажет. Но сначала нужно дождаться выхода номера с «бомбой».

Тут приятные размышления журналиста прервали самым грубым образом. Какой-то тип нахального вида – из породы прибалтанных дешевоков, что стреляют деньги у случайных прохожих, вцепился в рукав Лехиной куртки и, дыхнув перегаром, загундосил:

– Слышь, братан, тормозни-ка...

Меркурьев скривился:

– Чего тебе?

– Поговорить надо...

– Некогда мне! – резко бросил Алексей.

– Ты че, братан, в натуре?! Я же вежливо с тобой базарю...

Дальше начался привычный треп про то, как бабло кончилось, а вот срочно надо доехать куда-то...

– Я же сказал: тороплюсь, отвали! – резко ответил Алексей.

Тот лишь еще крепче вцепился в рукав:

– Ты че, борзой такой...

Меркурьев дернул руку на себя и тут же подался вперед, провернул кисть. Одновременно наступил на ногу противнику и жестко въехал ему локтем свободной руки в подбородок. Раздался глухой удар, гнилые зубы клацнули, «стрелок» разжал пальцы и шлепнулся оземь.

Алексей подскочил к нему, наклонился и мертвой хваткой сжал двумя пальцами шею у основания. Противник стал глотать воздух.

– Ты, крысеныш, – прошипел Алексей, – забейся в щель и не выползай оттуда. Еще раз встречу – урою на месте!

Шедшие невдалеке прохожие в испуге главели на них и невольно ускоряли шаг.

Меркурьев как ни в чем не бывало распрямился и неспешно направился дальше. Вид у него был самый непринужденный – будто ничего и не произошло. Хотя, надо признаться, сердце билось чаще обычного. Никак ему не удавалось справиться с последствиями повышенного выброса адреналина. Хотя и готовил себя к подобным ситуациям, и поединков провел вагон с небольшой тележкой. Но то были спарринги с товарищами по школе, назывались они «кумитэ» – показательные бои, спортивные поединки. А школа называлась «Кекусинкай-каратэ».

Уличная же драка – это совсем другой расклад. Тут правила не предусмотрены. И противники всамделишные, а не спарринг-партнеры...

Поэтому Алексей остался доволен. Давно он не применял своих навыков на практике, и вот – не заржавело старое оружие! Ну, прямо скажем, свалить дешевого уличного гопника – невелика победа, и все-таки... Физическая память сработала автоматом, не забыла прежних уроков. Да и этому уроду польза: таких учить надо, здоровее будут. Пусть спасибо скажет, что напоролся на Алексея, а не на такого, кто жалеть бы не стал... Впрочем, такие не умеют, быстро кончают зоной или моргом, в виде неопознанного трупа.

Тут Меркурьев немного удивился – с чего бы так много внимания этому быдлу?.. Он постарался выбросить придурка из памяти, но тот почему-то зацепился в ней. Алексей удивился еще больше.

Что-то было такое в этом типе, что-то не совсем обычное... А вот что – Меркурьев так и не вспомнил, как ни старался. Наконец, плюнул и перестал думать.

3

Остаток дня прошел в относительном бездействии. А под вечер позвонил новый знакомый из биологического института. Рябинин звонил из таксофона неподалеку от меркурьевского дома. Голос в трубке показался Алексею взволнованным, даже каким-то нервным. Игорь просил о немедленной встрече, и журналист, конечно, согласился.

Через пару минут раздался звонок в дверь, и на пороге возникла долговязая фигура ученого.

– Как насчет холодненького пивка? – предложил хозяин.

– Не откажусь, – вид у гостя и в самом деле был заметно взволнованный.

Расположились на кухне. После первой кружки Игорь захрустел чипсами и принялся рассказывать.

– Я вчера не был с тобой полностью откровенным, – признался он, – поэтому хочу исправиться и рассказать всю правду. Просто стыдно перед людьми – и так их дураят везде, где можно, а уж какую ахинею порой несут газеты... Ты прости меня, это я не о вашем еженедельнике, «пятерочки» как раз серьезная газета...

– Все нормально, – прервал его извинения Алексей, – без обид. Кстати, с очерком о вашем институте мы откровенно блефовали.

– Да-да, – закивал биолог, – все это так и... и не совсем так. Скажи, вы уже отправили статью в печать?

– А ты как думал? С такими вещами медлить нельзя. Номер сейчас в верстке, выйдет через неделю. А первая статья уже вышла...

– Да, я успел купить и прочитать. Но я не об этом... Дело вот в чем. Да, конечно, Мерецкому удалось сконструировать нанороботов; возможно, их даже запрограммировать удастся... но это не то, что ожидается.

– То есть?..

– Я хочу сказать, что крики об искусственном разуме – всего лишь розовые мечты всяких горе-ученых. Любой робот лишь исполняет цель, но не ставит ее сам перед собой... Я считаю, эти устройства не смогут справиться с задачей, которую надеются на них возложить. Одним словом – облом!

Алексей хмыкнул:

– А другими словами, нас дураят и под шумок пилят бабки... Так, что ли?

– Ну, может, и не совсем так, – уклончиво ответил Рябинин, – хотя бабки там и впрямь немалые. Вспомни о средствах на развитие нанотехнологий в нашей стране! А те цифры – только верхушка айсберга, кто ж будет разглашать оборонные секреты.

После такого заявления Меркурьев впал в долгое раздумье, позабыв про свое пиво. Наконец, отхлебнул изрядно.

– Да-а... – протянул он. – Ты, брат, меня прямо-таки раскорякой ставишь. С одной стороны, конечно, материал такой, что будет бомба, так бомба. А с другой...

– С другой стороны, ты человек молодой, и пожить еще хочется...

– Вот-вот! Можно сказать, даже не начинал. Вон, не женат даже... А ты, кстати, как в этом плане?

– Пока нет, – уныло ответил Игорь.

– Что?.. – Алексей на миг забылся, но тут же вернулся к реальности: – Ах, да. Ну, кто знает, может, так оно и лучше... Кстати, а ты уверен, что все хвосты обрубил? Что за тобой слежки нет?

– Я... – начал Рябинин.

Может быть, он сказал и еще что-то, но что – Алексей не услышал, потому что память оглушила его.

Он вдруг понял, что цепляло, не давало ему покоя в том дрянном засранце, которого он сегодня вырубил. Глаза! Вот что. Глаза.

«Ты, крысеныш, – прошипел Алексей. – Забейся в щель и не выползай оттуда...» – и взглянул ему в глаза.

Что должно было читаться в этих глазах? Страх! – такое зверье сразу ссыт, когда чувствует силу. Могло бы со страхом смешаться и тупое изумление: вряд ли этот debil ожидал рухнуть в нокаут от фраера-интеллигента... Да, могло все это быть: страх, изумление, одурь. Могло, но ничего этого не было.

Не было там ничего! Вообще ничего. Как в зрачки мертвеца, взглянул Алексей – и его запоздало пробрала дрожь. Дошло-таки! Дрался с ходячим мертвецом... Хотя, чего тут странного: от такой жизни, как у этого, душа давно ушла в потемки. Если и остались какие-то лохмотья, так разве теперь разглядишь их...

Тут что-то вновь нехорошо зашевелилось в душе Алексея Меркурьева – она-то была на месте. И как вчера, она ощутила тревогу и тоску... но Алексей вовремя спохватился и не дал ей отъехать в мутное уныние.

– Да, – сказал он, – да... Извини, я отвлекся. Что ты говоришь?

Рябинин вздохнул:

– Я говорю, что полную уверенность дает только...

– Страховой полис? Ну, шутка старая.

– Да нет, не полис.

– А что?

– Свидетельство о смерти. Так что шутка новая.

Алексей чуть не поперхнулся. Ни фиги себе, совпадение тем! – подумал он, но сказать не успел, потому что Игорь криво усмехнулся:

– А уж если насчет старых шуток... Помнишь древний совковый фильм «Свадьба в Малиновке»?.. Вот-вот, тот самый. Так там один так говорил: «Чует мое сердце, что мы накануне грандиозного шухера». Помнишь?

– Это ты к чему?

– Да к тому, что мое сердце, – Игорь постучал пальцем в грудь, – чувствует примерно то же самое. А потому, знаешь... следят, не следят – боюсь, уже не имеет значения.

– Даже боишься?

– Боюсь! – вскинулся Рябинин, разом отбросив всю свою иронию. – Боюсь, Леха! Я ведь, знаешь... я ведь самого-то главного тебе пока не сказал.

– Ну, говори.

– Знаешь, – Игорь понизил голос, подался к Алексею корпусом, – я и себе-то боюсь признаться в главном. А главное: я подозреваю, что у них, в лаборатории у Мерецкого – чтоб ему жопа с ушами приснилась! – что-то произошло. Даже догадываюсь, что: частичная утечка этих наноустройств. Вырвались они и вышли из-под контроля. А это дело такое, что ничего, ровно ничего нельзя предсказать.

– Да уж... чем дальше в лес, тем больше... волков, – пробормотал Алексей, совместив в памяти и свое пугающее видение, и шквал странных звонков в МЧС, и ночные причуды близ самого института. И остро пожалел, что отвязался от старушки, не узнав ни адреса, ни телефона! Хотя... хотя теперь это, наверно, уже не важно.

– Слушай, – задумчиво протянул он, – а в чем это может проявиться? Как выразится?

– А черт его знает! – прозвучал честный ответ. – Самое паршивое, что мы ничего не знаем об этих созданиях. Ноль! Можем только гипотезы строить. И я уверен, что и мудрецы эти наши...

– Мерцкой и компания?

– Они самые. Ни черта они не знают, что сотворили! Ну, может, все и обойдется, не спорю, только шум попусту поднимется... Но если сейчас с рук сойдет, так потом не сойдет, помани мое слово. Добром не кончится!

– М-м... – Алексей подумал, хорошо приложился к кружке. – Слушай, но ведь ты говоришь, эти самые наноустройства... они разумом не обладают? Какой от них может быть вред?

– Смотря какую программу в них вложили – я же не знаю, что там у этих чудиков на уме было! Может, вообще ничего, тогда нанороботы – просто пыль, которая может лишь загрязнить воду, воздух, почву. Хотя и это не радует. А может, их запрограммировали поражать клетки человеческого организма, например, создать тромб, чтоб закупорить сердечный клапан. А?.. Или пожирать клетки, изменять их, вызывать раковые опухоли!

Он допил пиво и продолжил:

– Понимаешь, для этого не нужен интеллект – просто программа, и главное: вложить ее в эти устройства. А они там насобачились на таких вещах...

– Стоп! – воскликнул Алексей. – Все. У меня это самое... отказ системы. Слишком много всего. Надо отдохнуть.

Меркурьев отлично знал, что самое лучшее сейчас – выспаться, а наутро, на свежую голову, еще раз прогнать полученные накануне сведения и попытаться выстроить логическую цепочку. И принять решение.

Слегка захмелевший гость собирался поехать к себе домой, но Алексей отговорил его от этой затеи. Резонно подумал, что сейчас не лучшее время шататься поддатому по ночному городу. Разложил диван в гостиной, кинул постельные принадлежности, а сам устроился в спальне.

Сил хватило лишь на то, чтобы скинуть джинсы и футболку. Он плюхнулся на кровать и тут же уснул.

И даже предположить не мог, что ждет его...

4

В тот вечер как обычно на дежурство в биологическом институте заступила ночная смена – четверо охранников из «Витязя».

Частное охранное агентство «Витязь» еще в начале девяностых организовали трое ушедших в отставку офицеров госбезопасности. Первый штат набрали из уволившихся в запас срочников, переманили к себе спецов из ментовки... Отбор был строгий – на работу брали только бывших военнослужащих и представителей силовых структур. Причем, в случае со служивыми предпочтение отдавали десантникам, морпехам и вэвэшникам, ну и, само собой, спецназовцам.

Артур устроился в «Витязь» два года назад, после службы в погранвойсках. С тех пор ни разу не пожалел о своем решении. Наоборот, сагитировал своего приятеля Мишку из десантуры. Тот сейчас сидел в каптерке с Русланом, а Артур и еще один из их смены, Сергей, совершали обход территории института.

Дело привычное: ходишь по двору вокруг здания, проверяешь ворота, осматриваешь забор, отвечаешь на вызовы по рации, докладываешь, что все в порядке. Потом тебя сменяют, и приходит твой с напарником черед отсиживать задницу в помещении для охраны.

Сегодня Артуру не больно-то хотелось возвращаться в каптерку. Все из-за напарника, Сергея. Тот пришел на работу сам не свой. Обычно разговорчивый, любитель почесать языком и поприкалываться, в этот вечер он лишь молча кивнул в ответ на приветствие и отошел в дальний угол.

Артур попытался расшевелить его:

– Серый, ты чего смурной такой? Случилось что?..

В ответ лишь тишина. Артур разволновался и стал напирать:

– Да не сиди ты как чурбан! Давай колись – может, поможем чем тебе...

Тот промышчал что-то неразборчивое.

Тут ребята не выдержали:

– Ну че ты до него докопался? Не видишь – у человека херово на душе, а ты к нему с расспросами лезешь... Давай лучше смену принимать.

Принимать, так принимать. Опись объектов, пульт сигнализации – все в норме. Ключи – в особом ящике...

– Кто-нибудь в здании есть?

– Да эти, блин, секретные в своем подвале, все никак не наработаются, – буркнул парень из уходящей смены.

– Передовики, – рассмеялся Артур. – Все нормально у них там?

– Да вроде... А что?

– Да нет, ничего.

Тут Артур немного покривил душой. В прошлую смену ему показалось, что уж как-то слишком нервно забегали ученые из подвала наверх, к начальству, и обратно... Но хер с ними, в конце концов, это не его забота! Его дело – умную рожу не строить, службу нести, да бабки получать, а бабки в «Витязе» хорошие, за что и спасибо.

Приняв смену, Артур с Сергеем вышли на обход, разделились: один двинул по северной стороне, другой по южной. Артур шагал, осматривал объекты, а на душе было как-то муторно. И все из-за Сергея... Нет, что-то с ним не то! Артур вспомнил странно неподвижное, точно маска, лицо сослуживца, прежде всегда такое живое, улыбчивое... Точно подменили парня! Как будто не он... И глаза. Пустые какие-то, как у наркомана. Господи, неужто?! Не похоже, конечно, на него, да ведь в жизни много чего бывает, что лишь на хрена лысого похоже, да и то сбоку... Нет, сейчас увидимся, надо будет спросить!

Рослая фигура Сергея показалась из-за корпуса. Артур сделал к товарищу несколько шагов – в полутьме лицо напарника показалось каким-то неестественно белым, безжизненным. И только тут заметил в его руке пистолет.

У Артура похолодело в груди. Мысли заметались: застрелиться хочет?! Неужели все так плохо? Или?..

Додумать не успел. Сергей вскинул руку. Черное отверстие «Ижа» уставилось в лоб Артуру. Он успел разглядеть лишь выражение лица стрелка – пустой, отсутствующий взгляд, и вскрикнуть:

– Серега!..

А в следующий миг ствол изрыгнул пламя.

Пуля вошла в глаз, разворотила мозги и застряла в затылке. Мертвое тело рухнуло на землю.

Звук выстрела подбросил охранников в каптерке. Руслан схватил со стола рацию, нажал кнопку вызова:

– Первый, прием... Что у вас там? Первый, третий – отвечайте... Артур, ответь!.. Серега, вы живы?! М-мать!

Оба охранника кинулись к выходу, вытаскивая на ходу пистолеты. С оружием наготове быстро осмотрелись, короткими перебежками двинулись к правому краю здания. Когда завернули за угол, глазам предстало страшное зрелище: бездыханное тело товарища в луже крови и склонившийся над ним Сергей с пистолетом в руке.

– Серый! Ты что? – выкрикнул Руслан. – Какого хрена? Брось оружие! Слышишь – сейчас же!..

Держа его под прицелом, охранники осторожно приближались. Тот резко распрямился, вскинул руку с пистолетом.

Тут же грянули выстрелы. Руслан и Миша нажали на спуск одновременно.

Две выпущенные из пистолетов «Иж-71» пули попали в цель, отбросив безумного Сергея на пару метров. Какое-то время оба охранника просто стояли, тяжело дыша. Затем Руслан подскочил к поверженному, успел заметить рваную рану на шее и расплывающееся темное пятно на животе... и сзади раздался чмокающий звук.

Охранник резко обернулся и остолбенел. Его напарник стоял на коленях. Секунда – и он повалился ничком. Руслан увидел, что из спины упавшего торчит рукоять здорового кухонного ножа, каким режут хлеб в столовке. И – темная фигура человека.

В первое мгновение Руслан не узнал нападавшего, а думать потом было некогда: рука сама взметнулась, палец дважды нажал на спуск.

Оба выстрела попали в цель. Человек как-то неестественно обмяк и свалился, точно из него разом выдернули все кости.

Не убирая оружие, Руслан приблизился к распростертому на земле телу...

– Мать честная! – потрясенно воскликнул он.

Это же ассистент профессора из подземной лаборатории! Как его там – Ринат... Ринат Абдуллин, или Абдулов... Всегда курить стрелял у охранников, как будто своих не было...

Да что ж такое творится-то, мля! Нужно срочно вызывать скорую и ментов. А еще – звонить в контору. Да, по всем правилам: первым делом – в контору.

А как там Мишка? Руслан подбежал к лежащему возле здания товарищу. Нагнулся, взял за запястье – пульс был, слабый, но был.

– Держись, Мишаня! – пробормотал Руслан.

Что делать? Если выдернуть нож из спины, то кровь, скорее всего, хлынет сильнее. Нет, сначала следует позвонить, а потом уж заняться раненым – в помещении охранников имеется аптечка с бинтами, лейкопластырями, антисептиками...

Руслан дернулся было в каптерку, но тут дверь, ведущая в холл института, распахнулась, и в дверном проеме появилась еще одна фигура в лабораторном халате и шапочке. В руке поблескивало лезвие разделочного топорика. Человек размеренным шагом, словно лунатик, двинулся к охраннику.

Тот крикнул:

– Эй, ты! Стой на месте. Говорю, стой на месте, урод! Щас мозги вышибу!

Бесполезно. Ученый – а это был еще один из лаборатории Мерецкого – шагал как заведенный автомат: неотвратно и целеустремленно.

Руслан подхватил валявшиеся рядом пистолеты. Быстро проверил: тот, что забрал у мертвого Артура, стоял на предохранителе и, как видно, в ход пущен не был. Руслан убрал его в кобуру. Второй был на боевом взводе. Сколько там успел выстрелить сбрендивший Серый? Ах, да – разок только шмальнул и прямо в глазницу, зараза! Значит, еще семь патронов остается. Да еще четыре в руслановской вольте. Мать твою! – еще у Мишки в магазине шесть маслин...

– Ладно, сучара, – злобно пробормотал он, – получишь ты свои законные...

Руслан подскочил к наступавшему на него врагу и, пока тот замахивался топориком, шмальнул в него из своего «Ижа» – всадил остаток обоймы прямо в рожу.

Тот повалился наземь, а Руслан отбросил ненужный теперь ствол и метнулся в каптерку. Схватил городской – в трубке тишина. Да что за гадство такое сегодня?! Он злобно швырнул трубку. Может, в институте хоть один аппарат исправен?

Тут он хлопнул себя по лбу: вот мудак, так мудак! А сотовый тебе на что – орехи колоть? Так, где у нас мобильник? А, ну да, во внутреннем кармане куртки. А куртка в стенном шкафу, в прихожей. Он обернулся...

И обмер. В дверях комнаты стояли две молчаливые фигуры.

Так, опять гребаные ученые из таинственной лаборатории. Да что они там все, с катушек съехали, что ли?!

В руке одного он заметил большущий топор красного цвета – с пожарного щитка, стало быть, снят. Другой, чуть позади, держал в руках что-то длинное и тяжелое, явно металлическое, похожее на обреза трубки.

Ну, держитесь гады!

Охранник подобрался, достал два пистолета, снял с предохранителя, передернул затворы – все, как положено. Вскинул обе руки с зажатыми в них стволами...

Грохот от выстрелов в замкнутом помещении был еще тот. Руслан палил с двух стволов, позабыв о счете. Когда продырявленные враги повалились на пол, охранник опустил оружие. Осталась одна мысль: сколько выстрелов произвел? Кажется, пять... или шесть? Точно – шесть. Сколько ж у него боеприпасов теперь? Семь, что ли... ну, шесть – это верняк. Почему-то не хотелось вытаскивать обойму, проверять – вдруг еще кто-нибудь вломится...

Ладно, теперь отбросить пистолет с пустой обоймой – видно было как затвор встал. Переложить в правую руку другой ствол. Дальше что? Дальше надо перевязать Мишку, не то загнется пацан.

Про свой мобильник он начисто забыл.

Да, а сколько их там может быть – этих козлов из лаборатории?.. Точняк, у них у всех крышу снесло! Как, отчего – пока не важно. Важно другое – выжить самому и попытаться спасти напарника. Так... Четверых он уложил. Обычно оставались семеро во главе с шефом – профессором Мерецким. Значит, еще трое – двое ученых и сам ихний босс. Если и они того... то ему будет туговато – мало патронов на эту козлу. Ведь попасть еще надо. А вдруг их там не трое, а больше? А если у них и стволы есть?..

Он прихватил из шкафчика несколько бинтов, пузырек с перекисью водорода, переступил через трупы и приблизился к входной двери. Что, если там его уже ждут? Детина с топором или тесаком. Или чем похуже... Ну, делать нечего – все равно идти надо, товарища выручать. А потом поискать исправные телефоны в здании института.

Руслан набрал полную грудь воздуха, стиснул рифленую рукоять безотказного до сих пор «Ижа» и резко распахнул дверь... Никого! Ни рядом, ни во дворе. Ну и слава те, Господи!

Что есть мочи припустил к раненому. Присел возле него, еще раз осмотрелся – ни души. Пощупал пульс – еле теплится жизнь в товарище. Ухватился за рукоятку ножа, стиснул зубы и потянул...

Когда закончил дело, вновь потрогал запястье – пока живой. Так, с этим вроде разобрались. Теперь срочно в институт – искать телефон. Какая-то мысль не давала покоя, маячила на заднем плане – но сейчас не до нее, потом вспомнит.

Руслан вернулся в каптерку, прихватил с собой топор. Вышел, осторожно приблизился к входу в институт. Сквозь стеклянные двери ничего не было видно – внутри мрак. Там могут ждать другие. Нет, сто пудов они там где-то. Но все равно надо внутрь. Побежит в жилые районы – потеряет время, друг помрет. Нужно к телефону.

Руслан еще пару секунд «накручивал» себя, потом решил и рванул дверь на себя. Тенью скользнул в сторону, оружие наготове. Так, вроде никого здесь. Запах только какой-то резкий – химией тянет или еще чем... Некогда разбираться, надо по-быстрому в будку дневного охранника, слева от входа.

Стараясь не шуметь, он подбежал к застекленной комнатке вахтера, толкнул дверь – та подалась. Вбежал... Твою мать – как у негра в жопе! Темень, хоть глаз выколи!.. Ну, ладно, тут где-то сбоку от двери выключатель... Ага, вот он, родимый. Щелк – свет люминесцентных ламп залил тесное помещение.

А вот и телефон! Руслан схватил трубку... и зарычал от досады. Не работает! Скотство! А может... ну, конечно! Эти суки свихнувшиеся и перерубили кабель. И что теперь?

Как он не услышал их приближения? Черт его знает – нервы на пределе. А они тут как тут – вон, двое в дверях толкуются. Морды как у призраков, в руках то, что по определению относится к холодному оружию. Ладно, хоть не к огнестрельному.

Атака, выстрелы. Комнатка маленькая, один прям на Руслана прет, второй напирает, н-на, падла, лови маслину рылом! А вот еще, и еще!..

Попадали как кули с дерьмом. Руслан выщелкнул обойму, тупо посмотрел – ну да, пустая. Вон и затвор встал. Все, отвоевался!

– Сучары! – голос его злобным рыком вылетел из будки.

Он закашлялся – воздух в комнатке был пропитан пороховой гарью. Поудобнее перехватил топор. Вышел наружу и решительно потопал наверх, на второй этаж. Теперь уже не скрывался. Снова подбавил адреналину в кровь, заорал:

– Зарублю, пидоры гнойные!

На втором никого. Руслан недолго повозился с дверью в приемную – вскрыл топором. Бросился к телефону – так и есть, обрубили, падлы, кабель. Значит...

Тут дверь снаружи кто-то захлопнул, послышался шум передвигаемой мебели или чего-то тяжелого.

Охранник подскочил к двери, с размаху саданул ногой – тщетно, чем-то тяжелым подперли. Вернулся к столику, подхватил топор.

– Щас порубим на дровишки, – точно обезумевший, бормотал он, – а вас, тварей, на колбасу!

Сколько рубил – минуту, две, больше? Лезвие с хрустом вгрызалось в деревяшку, жаль, не фанерная дверь-то... Ну все – путь свободен. Руслан на взводе выскочил в коридор, готовый проломить башку любому, кто сунется. Но было пусто.

Он побежал на первый этаж. Везде воняло – но теперь не химией. Запах бензина, очень резкий, а еще... еще – что же это? Неужто газ?! Точно, так только газ может пахнуть, вот когда утечка бывает, только сейчас куда сильнее! Очень густой запах.

Он на мгновение замер. Ептыть, это что же получается – они решили все тут взорвать к такой-то матери?!.. Ох ты...

Руслан ринулся вниз, даже топор откинул в сторону. Скорее наружу, скорее! – единственная мысль, других нет. Он уже был в холле, почти добежал до выхода, как вдруг темнота разорвалась ослепительной вспышкой, и его швырнуло вместе с дверями во двор.

Оглушительный грохот – это последнее, что он услышал в своей жизни. Внезапно, словно озарение, мелькнула мысль о мобильнике – он же, мудака такой, забыл о своем сотовом телефоне в кармане куртки. Зачем же в институт-то побежал?! Му...

Тут все оборвалось и полетело куда-то в темную пропасть.

Второй взрыв, потрясший ночной город, он уже не слышал...

Глава 3

1

Какие-то... какие-то места все непонятные. Хотя нет, постой-ка, вот эту улицу он знает. Ну точно – где-то в Старом городе. Так, а это что у нас?.. Алексей огляделся: сомнений не оставалось – он в Старом городе, в районе, примыкающем к юго-восточной его окраине...

Вообще, город похож на неправильную гантель: на севере – более молодой Чернореченск, на юге – Старый город, а перемычка, соединяющая их, – это Центральный проспект со своими микрорайонами. Старый город с аппендиксом – Белой рощей на юго-востоке, как бы деловой центр. А в Чернореченске преобладают спальные районы.

...Ну вон, за тем домом, пара проулков, и можно выйти на дорогу, что ведет в Белую рощу. Дорога не дорога, улица не улица, скорее – шоссейка, по обеим сторонам которой частная застройка. Убогие домишки, какие никто пока не сносит... А вот и она, Белая роща – построенные в конце восьмидесятых стандартные девятиэтажки, похожие друг на друга как кости домино. Занимают они чуть больше двух третей белорошинской площади, а одну треть, на отшибе, отхватил биологический институт.

И чего это он поперся туда? Ведь явно же в чертов институт направляется! За последние пару-тройку дней все мозги засраны: нанотехнологии, биотехнологии, еще хрен знает какие технологии...

Меркурьев миновал последний проулок и оказался на той самой шоссейке, что вела к Белой роще, а значит, к треклятому институту. Постоял в нерешительности, задумчивый весь такой, сделал шагок, другой, ну и... потопал, резво так потопал по пыльной обочине. Хоть бы дождик прошел, что ли – прибил бы пыль, а то вон как клубится под ногами, словно поземка. Только подумал и точно накликал: закапало, а потом и полило... Сверкнула молния.

«Щас громыхнет, – усмехнулся Алексей, – первая майская гроза как-никак!»

И грянул гром...

Будто оружейный завод взорвался – земля под ногами заходила ходуном. Алексей даже присел на корточки – и на хлещущие сверху струи внимания обращать перестал, так его оглушило.

«Вставай, давай, поднимайся!»

Это еще кто?

Кто-то трясет его за плечо: «Просыпайся, Алексей, давай же!»

Меркурьев резко сел в постели. Проморгался. В полутьме комнаты долговязая фигура склонилась над ним, трясет нещадно.

Наконец дошло: это ж Игорь, биолог из института, которого он приютил на ночь.

– Что?! А?..

– Идем скорее на балкон, сам увидишь...

С этими словами гость выбежал из комнаты. Алексей соскочил с кровати, натянул джинсы и поспешил вслед.

Выскочив на балкон, Меркурьев обомлел: на юго-востоке полыхало так, что ночное небо светилось. Зарево пожара заворачивало, притягивало взор и... и тут Алексея пронзила мысль – это ж вроде как...

– Наш институт горит, – в подтверждение его догадки нервно молвил лаборант. – Доигрались товарищи ученые...

– Ну нихрена! – только и смог вымолвить Алексей, а уже в следующий миг принял решение – хватка журналиста дала о себе знать.

– Собираемся шеметом и на всех парах туда, – бросил он товарищу и кинулся в спальню за одеждой.

Когда спустя минуту они выбежали на лестничную площадку, то нос к носу столкнулись с бравым майором-эмчезовцем. Вид у него был слегка помятый, видно, с вечера приложился к бутылке человек, а посреди ночи подняли с постели...

– Леха, а ты-то чего в такую рань? – сиплым со сна голосом поинтересовался Ракитин.

– Да туда же, куда и ты, – Алексей представил своего товарища: – Знакомься, это Игорь Рябинин, ученый-биолог, как раз с биологического института, который сейчас пылает... Ты ведь туда, сосед, намылился, разве нет?..

Тот утвердительно кивнул в ответ.

– На тачке?

Николай опять кивнул:

– Сейчас служебная заедет за мной.

Подъехал лифт, и они продолжили разговор, спускаясь вниз.

Алексей решил не терять попусту время и сразу перешел в наступление:

– Слышь, Коль, вот какое дело – нам обязательно туда надо и по-быстрому. Возьми нас с собой? Игорь-то, может, что-то подскажет, он ведь там все ходы-выходы знает и вообще... А я тоже на днях там все облазил, да и пишу вот об этом институте... точнее, писал.

Майор потер слегка опухшее лицо, помассировал веки, затем тряхнул бритой головой:

– Лады, давайте со мной.

Возле крыльца Ракитина уже поджидал уазик. Все мигом загрузились в него, машина рванула с места и понеслась по пустынным ночным улицам. С проспекта въехали на территорию Старого города и сразу взяли влево.

Когда вырулили на шоссейку – ту самую, что недавно снилась ему, Алексей понял, что дело обстоит еще хуже, чем казалось с балкона. Впереди полыхало так, что ночи как не бывало – казалось, что и лес горит. Им навстречу с ревом пронеслись несколько пожарных машин – вероятно, набирать воду.

Чем ближе подъезжали, тем страшнее представлялась картина разбушевавшейся огненной стихии. Вокруг зоны пожара все было оцеплено милицией, а на краю поля, отделявшего территорию института от первых жилых домов, сгрудилась техника – виднелись красные бока мощных пожарных машин, автомобили МЧС, милицейские «луноходы» и «газели» скорой помощи... Пока разворачивались, Алексей насчитал с десятков пожарных «КамАЗов» и «Уралов», из пузатого чрева которых на огонь обрушивались тонны воды.

Когда-то, еще в начале своей журналистской карьеры, Меркурьеву довелось готовить материал о работе местных укротителей огня, благодаря чему он стал сносно разбираться в технических характеристиках и назначении пожарной техники. Сейчас он цепким взглядом знатока подметил, что в тушении используются, в основном, автоцистерны с большой емкостью – то есть вместимостью примерно восемь-десять кубометров каждая. Использовали именно воду, никаких тебе воздушно-механических пен. Оно и понятно – пены обычно применяют при тушении нефти и бензина. Тут другое дело... Хотя, может, они кое-что не доучли. Здесь должно быть много всякой химии.

Водитель подрулил к нескольким милицейским и эмчезовским «газелям», возле которых толпилось начальство – этих сразу можно было отличить от рядовых сотрудников и бойцов. Пузатые, надутые, важные... что-то кричат, оживлено жестикулируют. Толку сейчас от их приказов никакого – командовать мы все можем, а вот что-то делать реально... Алексей органически не переваривал этот тип людей – разномастных бугров и бугорков, ну разве что своего шефа уважал, но тот был исключением из правил – всем бы такого босса, как его главный вред, хех!..

Они выскочили из машины. Николай сразу устремился к начальству, журналист с биологом скромно держались позади него.

Уже на подходе к группе людей в форме и камуфляже Алексей притормозил соседа.

– Слушай, Николай, не стоит говорить начальству, кто я на самом деле...

И заметив, что тот нахмурился, поспешил добавить:

– Никто не просит тебя врать. Просто скажи, что я с Игорем, а он – сотрудник института.

Майор пару секунд поглядел на него, затем молча кивнул и шагнул к своим. Козырнул высокому мужику с генеральскими погонами – начальнику областного управления ЧС и ГО, поздоровался с остальными.

Заметив спутников Ракитина, генерал тут же рявкнул:

– Почему посторонние на объекте?!

Майор заступился:

– Сергей Петрович, это сотрудники института, они могут нам помочь – подсказать, что там было, кто там был...

– А! Тогда добре. Давай их сюда, а то пока институтские командиры приедут, тут все уже закончится.

– Руководство института вызвали уже? – поинтересовался Ракитин.

– Вызвали... – недовольно пробурчал генерал, – дрыхнут себе, а тут институты взрываются!.. Ну так что, хлопец, – обратился он к подошедшему Игорю, – кто там мог этой ночью кемарить?

– Помимо охранников, еще целая группа ученых, – скороговоркой выпалил взволнованный биолог, – они работали в подземной лаборатории, фактически жили здесь, ночевали в здании. Обычно семь человек...

– Та-а-а-к... – протянул тот, – значит, с охранниками одиннадцать душ... – и мрачно добавил, – мертвых душ.

– Думаете, никто не уцелел? – на всякий случай поинтересовался Ракитин.

– Коля, ты и сам должен понимать, кто ж уцелеет при таком раскладе? От здания остались одни развалины. Пожар-то по пятому номеру проходит – там пламя такое бушевало, что наверняка все металлическое расплавилось... Пожалуй, категория D. Вряд ли кого найдем в живых под обломками. Скорее, даже от тел одни уголешки остались.

Слушая разговор спецов, Алексей чуть не присвистнул: пятый номер вызова – это самый сложный пожар, на его тушение бросаются все имеющиеся силы, пятнадцать и более пожарных отделений. А каждое отделение – это группа пожарников количеством пять-десять человек на одной автоцистерне. Категория D означала, что горению подверглись даже металлы.

Майор поплевал на ладонь, поднял вверх, огляделся и изрек:

– Слава Богу, ветра нет, а то бы...

– Во-во, – оживился насупившийся было генерал, – верно подметил. Поднимись сейчас ветер, и все – кранты лесу, да и микрорайону тоже. Так вот целые поселения и сгорают. А вспомни, сколько прошлым летом лесов погорело!..

– Н-да, – задумчиво промышчал Ракитин.

– Ну, профессор, – обратился эмчезовский начальник к Игорю, – что там могло взорваться? У вас там что – боеприпасы хранились?..

– Ничего такого, – помотал головой биолог и опасно покосился в сторону все еще бушующего пламени.

– А что ж тогда разнесло все по кирпичику? Есть соображения?..

– Н-ну... – замялся Игорь, – они ведь химики – ученые из этой группы. Может, что-то там экспериментировали со взрывчатыми смесями. Не знаю...

– Химики хреновы! – в сердцах выругался старший от эмведэшников, судя по погонам – полковник. – Вот и нахимичили...

– А ты что скажешь, хлопец? – генерал-эмчезовец глянул на Меркурьева.

– Я слышал, там работали над каким-то секретным проектом... – осторожно вымолвил Алексей. – Кажется, он связан с заказом военных. Но точно я не знаю, конечно, – не мой уровень.

Генерал нахмурился:

– Секретный, говоришь... Ну так сейчас подойдет ваше руководство – вот и выясним, что там такое секретное было... Было да взорвалось – все ваши секреты гребаные разлетелись по округе. Горят вон алым пламенем...

Неподалеку взвизгнули тормоза, из иномарки выпрыгнул лысый мужичок в ветровке и засеменил к ним. Алексей узнал во вновь прибывшем зама директора института по научной части. Как его там... ах, да – Семен Ильич. Надо же! – ботаник ботаником, а тачка-то приличная, новенький «лексус». Видать, недурно платят оборонщики институтским шефам.

– Так-так, – грозно воззрился на профессора осанистый Сергей Петрович, – эт-то кто у нас?

Шеф Игоря с испугом посмотрел на генерала. Затем заворуженно уставился на зарево пожара.

– Это профессор Кудрявцев, Семен Ильич, – поспешил пояснить Алексей, – заместитель директора института.

– А! Вот вы-то нам и нужны, – оживился Сергей Петрович. – Что предварительно можете сказать о причине возгорания?

– Я... н-не знаю... – Кудрявцев начал сильно заикаться, чего за ним ранее не наблюдалось.

– Ладно, облегчу вам задачу: причиной пожара явился взрыв. Что там у вас хранилось и могло сдетонировать?

– Взрыв?! – казалось, институтский зам был озадачен еще сильнее.

– Взрыв, взрыв... – почти добродушно подтвердил генерал.

– Да не было там у нас ничего такого... – наконец взял себя в руки профессор.

Немного подумал и решительно кивнул:

– Нет, ничего взрывоопасного. Чисто биологические разработки – в области генетики.

– А вот ваши сотрудники, – генерал кивнул в сторону Меркурьева и Рябинина, – утверждают, что в институте велись некие секретные разработки, работала специальная группа – днем и ночью, в отдельной лаборатории. Что скажете?

– Гм... ну да... это правда, но их разработки касались нанотехнологий. Знаете, что это такое?

– Примерно представляю. Всякая там микроэлектроника, крохотные роботы, что ли?..

– Ну, примерно так. Но они не могли...

Ученый замялся.

– Или могли? – вкрадчиво поинтересовался генерал.

Профессор растерянным взглядом обвел окружающих, словно искал поддержку, затем увидел кого-то и возбужденно объявил:

– Вон наш заместитель по общим вопросам подъехал. Он же, кстати, и вопросами безопасности занимается, – и поспешил сообщить: – А шеф сейчас во Франции, на конгрессе по биотехнологиям, вернется только через пять дней...

– Все ясно, – кивнул генерал и повернулся к коллегам из смежных ведомств: – Мне звонили из администрации. Губернатор отсутствует, находится с дружественным визитом в соседней области. Так что возглавит штаб по ликвидации последствий чрезвычайной ситуации его заместитель. Прошу всех ответственных лиц проехать со мной. Штаб временно будет находиться в нашем управлении.

Все двинулись к машинам. Майор кивнул приятелям – мол, пошли, подброшу к дому.

У самой кромки поля Алексей заметил съемочную бригаду с телевидения и, к своей радости, узнал среди них Свету. Помахал ей и обернулся к Николаю:

– Ты езжай, Коль, а мы с телевизионщиками будем. В случае чего они нас подвезут.

Тот кивнул и поспешил к служебной машине, а Меркурьев поманил за собой Игоря и направился к коллегам с ТВ.

2

Увидав Алексея, Светлана искренне обрадовалась.

– Приветик! – подскочила она к Меркурьеву, чмокнула в щеку. – Ужас, что тут творится! Ты давно приехал?

– Нет. Все, что могло сгореть, уже сгорело к тому времени... Ты сегодня дежурная или тебя подняли с теплой постельки?

– С постельки...

– Надеюсь, ты одна в ней была? – привлек к себе девушку молодой человек.

– Надейся... – лукаво улыбнулась та и, заметив нарочито грозный взгляд, рассмеялась:

– Да одна, одна. Вот так все время – одна-одинешенька...

– Ничего, – пообещал Алексей, – мы это исправим. Ну ладно, к делу. Ты еще долго здесь торчать собираешься? Может, пора закругляться?..

– Сейчас, только возьму интервью у руководства.

– Опоздала, они уже смылись, – Алексей мотнул головой в сторону удаляющейся вереницы машин. – Ничего страшного, у них временный штаб в эмчээсовском управлении. Позже подъедешь туда, опросишь, кого надо.

Он огляделся, натолкнулся взглядом на долговязую фигуру Рябинина и повернулся к подруге:

– Да, познакомься – это Игорь Рябинин, сотрудник секретной лаборатории биологического института. Игорь, это ведущая с нашего телевидения, Светлана Мамаева.

Представив молодых людей друг другу, он обратился к журналистке:

– Слушай, Светик, я как раз хотел тебе рассказать одну потрясную историю. Услышишь – закачаешься! В двух словах: я тут провел расследование, и оно прямым образом связано с этим институтом...

– И со взрывом связано?! – глаза девушки загорелись.

– Видимо, да. Короче, поехали прям сейчас ко мне – мы с Игорем тебе все расскажем.

Заинтригованная тележурналистка вцепилась другу в рукав:

– Уговорил! В принципе, что можно было – мы тут все отсняли. Осталось смонтировать и наложить озвучку. Ребята едут на студию... Кстати, познакомьтесь: Гена, оператор, Виктор, водитель.

Алексей и Игорь поздоровались с мужчинами: худощавый сутулый Гена дружелюбно улыбнулся, быковатый Виктор ограничился кивком.

– Значит, Вить, забросишь меня к Алексею, а сами давайте на студию. Я потом своим ходом доберусь. А с вас, господин Меркурьев, пиво!

– Какой разговор, – развел руками довольный Меркурьев и назвал Виктору свой адрес. Тот опять кивнул – видно, не из болтливых был.

– Ребята, по коням, – скомандовала девушка, и все двинулись к серебристому микроавтобусу «Ниссан» с надписью на борту: «Государственная телерадиокомпания» и большими буквами TV на капоте.

Вскоре они уже мчались в город.

Хотя начало рассветать, улицы все еще были пустынными. Видимо, жители, напуганные неизвестностью – взрывы, пожар – сочли за благо, пока суд да дело, отсиживаться дома. Алексей вскользь подумал об этом... и тут Игорь, точно угадав его мысли, произнес:

– Смотрите-ка... А ведь похоже, что народ стараются не выпускать из домов! Милицию, наверное, всю на ноги подняли. Сейчас бы любопытные уже высыпали на улицы...

– Да, поди, властям нашим уже вставили из Москвы – по клизме каждому! – вдруг разрился гневным словом молчавший до того Виктор. – Просто так ни один жопу от кресла не оторвет!

В сердцах он слишком резко тормознул на светофоре у ресторана «Седой Урал» – модного заведения, известного в городе авангардной культурной программой: считалось престижным приехать сюда на всю ночь, оставить машину на стоянке напротив и оттянуться по полной.

Алексей подумал, что в словах водилы есть какая-то сермяжная правда – не подвело пролетарское чутье... Тут недосып, которого Меркурьев поначалу не заметил, догнал его, он зевнул, подумал, что неплохо бы потом примять щекой подушку... да еще и со Светкой под боком, а?... Ну, тут уж точно будет не до сна!

Вдруг слева раздался тупой, жестяной грохот, и сразу вслед за этим – точно что-то лопнуло. Алексей вздрогнул, сон как ветром сдуло. А водила внезапно заорал:

– Нет, ну ни хрена себе! Нет, только гляньте, что этот мудака творит!

Он тыкал пальцем вперед и влево, в сторону стоянки – и все враз воззрились туда. И увидели дику сцену.

Рослый детина в камуфляжной куртке здоровенной кувалдой долбил по припаркованным автомобилям. Вдребезги разлеталось стекло, корежился металл, ломались бамперы и всякие пластмассовые примочки... А странный мужик все долбил и долбил без усталости, словно запрограммированный на разрушение робот. С особой яростью он почему-то накинута на темно-зеленую «Шкоду».

Будка охранника была похожа на скворечник – обшитая профнастилом кубическая постройка на толстых сваях, к которой вела металлическая лестница. Из окошка выглядывало испуганное лицо пожилого дядьки. Понятное дело! На его месте любой бы сдрейфил.

В микроавтобусе все на миг обмерли. Первым очнулся оператор.

– Светка! – вскрикнул он, судорожно хватая камеру. – Снимаем! В хронику!

– Давай! – мгновенно оценила Света.

– Да тут не снимать, – возмутился водила, – тут этому козлу в репу надо!

Оператор сдвинул стекло бокового окна, камера заработала. В салон ворвался свежий утренний воздух.

Водитель как будто собрался привести свою угрозу насчет «репы» в исполнение, но тут раздался вой сирены, и из переулка вынеслась наискось через улицу бело-синяя «девятка» ППС.

– Стой, Витек! – крикнул оператор шоферу. – Я снимаю.

Из «девятки» выскочили двое патрульных.

– Стоять! – заорал один из них, что бежал первым.

Второй приостановился, выхватил из кобуры пистолет и взял его наизготовку.

– Эй, ты! – крикнул первый. – Ты что, сдурел? Брось эту хрень! Руки на капот!

Конечно, странный тип и не подумал слушаться. Кувалда обрушилась на решетку радиатора несчастной «Шкоды».

– Ну, гнида, пеняй на себя, – решил первый мент и устремился к громиле.

Бам-м!.. – очередной удар согнул переднюю стойку.

– Саня, смотри! – тревожно крикнул второй сержант, поудобнее перехватывая свой ПМ. – Он обдолбанный, похоже. Что там у него в башке?!

– Не бойсь, – самоуверенно бросил первый. – У меня и не такие землю нюхали. Шас мы его мордой об капот!

Он и вправду был здоровый парень. Шагнул к камуфляжному, крепко взял за предплечье, умело рванул за спину...

Да не тут-то было. Мужик вдруг с дикой силой – что-то в его куртке треснуло – вырвался из цепких ментовских рук, мгновенно крутанулся, как метатель молота...

И кувалда ржавой молнией мелькнула в воздухе, ее грань пушечным снарядом врезалась в левый висок сержанта, начисто снеся и саму кость, и левый глаз, и переносицу.

– Саня! – отчаянно вскричал второй мент.

В автобусе все оберли. Миг – и дикий вопль Светы:

– А-а-а!..

– Света! – метнулся к ней Алексей. – Света, стой! Успокойся, Света!..

Но девушка билась в истерике, визжала и металась – такой ужас она увидела впервые на своем веку.

– А-а, с-сука!.. – вдруг бешено взревел второй мент, и – хлоп! хлоп! хлоп! – три вспышки, три мгновенных выстрела по ногам убийцы.

Что там сопливая журналистка! Сержант патрульно-постовой службы Игорь Ломов видел такую грязь, рвань и срань, таких скотов в человеческом обличье – каких считавшей себя знатком жизни Свете Мамаевой сроду встречать не доводилось, а встретить она хоть одного такого, так потом бы дня два ее рвало. Но и Ломов, видевший все это, впал в шок – его напарник Саня, десять секунд назад живой и здоровый, а пять минут назад весело ржавший над похабным анекдотом – теперь лежал на асфальте с разнесенным вдрызг черепом.

Страшная красная муть плеснула в глаза Ломову.

– А-а, с-сука!.. – и «макар» смертельно залаял в его руках.

Закон, вбитый в ментовские извилины до состояния инстинкта: стрелять только по конечностям! – сработал даже в красном мареве. До этого Ломову всего один раз пришлось реально работать огнем по объекту: когда допившийся до белой горячки алкаш бегал по двору с кухонным ножом, орал: «Всех попишу!» – а они, трое пэпээсников, держа стволы наготове, как-то пытались его образумить, и по-хорошему, и матом... Но тут внезапно распахнулась дверь подъезда, вышла ничего не подозревавшая глухая бабка, и невесть что замкнуло в гнилых мозгах пропойцы.

– Порешу, старая сука! – заорал он и понесся на старуху.

Ломов успел первым. Выстрел! – и пуля перебила придурку бедренную кость над самым коленом.

Что поразило тогда Игоря – рухнув наземь и выронив нож, этот лютый урод схватился за простреленную ногу и завизжал как заяц, и потом, пока его паковали, перевязывали и грузили в вызванную «скорую», он продолжал выть, скулить и горько плакать – и это было смешно и противно.

Но сейчас, когда все три пули попали в цель – две в правое, одна в левое бедро, и одна, видно, пробила артерию: кровь алым фонтаном брызнула на искореженную дверцу «Шкоды» – отморозок лишь покачнулся, не обратив на раны ни малейшего внимания, будто бы даже не комар его ужалил. Он взметнул кувалду ввысь, как палач топор над плахой, и неистово грохнул по крыше машины, насквозь прорвав тонкую жесть.

И самое жуткое – лицо этого человекоробота ровно ничего не отразило: ни боли, ни страха, ни злобы, ни даже безумия. Оно было тупо-сосредоточенным, отрешенным; и сержант совершенно ясно осознал, что перед ним уже не человек, а монстр, который, собственно, и убивать-то его напарника не имел цели: он всего лишь отмахнулся от того, что мешало ему бить, крушить и ломать.

Бог знает, почему это взорвало в Ломове новый пласт бешенства – и теперь уж инстинкты отлетели прочь. Руки вскинули ствол.

– На! Н-на, сука!!! – залпом дважды в башку, и та взорвалась кровавым облаком.

В «Ниссане» все точно сошли с ума. Света рыдала и вопила, ничего не видя и не слыша, Алексей обнимал ее, неловко бормоча что-то, Игорь – сидел как пригвожденный. А шофер с оператором заорали в два голоса:

– Ух, мать!.. А-а!.. О-о!.. М-мать...

– Снято?! – не поверил себе мастер камеры.

А водила взревел:

– Какое, на хрен, снято?! Мотаем отсюда, от греха подальше! – и дал по газам так, что всех кинуло назад, а оператор чуть не выронил камеру в открытое окно.

Они полетели по тревожно безлюдным улицам, где бесшумно сверкая красно-синими зарницами, носились только патрульные машины, а однажды навстречу прогромыхала колонна милицейских автобусов и грузовиков. Алексей, обнимая притихшую, но еще всхлипывающую Свету, подумал, что в городе, должно быть, введено что-то вроде комендантского часа... но их микроавтобус с эмблемой TV никто ни разу не остановил.

Водила и оператор все ругались. Вернее, ругался шофер:

– Сотри на хер все это говно! Слышь? Я тебе говорю!

В операторе здравый смысл боролся с профессиональным долгом:

– Да стереть-то раз плюнуть, а представляешь, что будет, если шеф узнает? Такие кадры потеряли!.. Ну да, тебе-то фиолетово, а меня он за яйца повесит, это точно!

– Не узнает! Кто скажет? Да никто, кому это на хер надо... Тебя менты свидетелем когда-нибудь таскали? Нет? Ну и скажи спасибо. А я один раз хлебнул того добра по самые гланды, больше не надо...

– Слышь, мужики, – подал голос Алексей, – может, потом как-нибудь разберетесь в своих делах? И без того тошно.

Те смолкли, а через пять минут «Ниссан» тормознул у меркурьевского подъезда. Алексей глянул на Свету, все понял и сказал:

– Ладно, барышню я с собой забираю, она в трансе. Придет в себя – позвонит... Игорь, ты как?

– Я тоже с вами, если можно...

– Можно. Лады, мужики, бывайте! Спасибо.

Втроем они вышли из минивэна, направились к двери. Алексей поддерживал Свету, она и вправду была еще в трансе. Перед самой дверью он спохватился:

– Да, Игорь, а пивка-то?.. Думаю, не помешает, а?

Тот кивнул.

– Ладно, вы тут по стойте, а я быстро в ларек. Две минуты!

В круглосуточном ларьке дежурила полужнакомая продавщица. Застигнутая взрывом и пожаром врасплох, она была, конечно, перепугана и сбита с толку.

– Ой, Алексей, здравствуйте! Ой, как же так!.. – закудаhtала она, но Меркурьев, конечно, ничего не мог сказать ей дельного, отбрехался дежурными утешениями и поскорее побежал к своим.

Света, кажется, начала потихоньку приходить в себя.

– О, Господи, какой ужас, какой ужас... – всхлипывая, бормотала она.

– Ладно, – сказал ей Алексей, – утро вечера мудренее... То есть, я хотел сказать, что сейчас тебе надо постараться заснуть. Пивка пару бокалов – и на боковую. Самое лучшее лекарство! А мы с Игорем пока посидим, помозгуем...

– Нет, – возразила Света уже решительнее. – Я, в конце концов, не слабонервная. Да и на мозги пока не жаловалась. А подумать надо, это верно, мне кажется, это неспроста. Это... ну, то, что мы видели, это нехороший симптом.

– Уговорила, – Алексей постарался улыбнуться. – Идем думать!

3

Они расположились на кухне, и только было взялись за пиво, не успели даже распробовать, как раздался звонок в дверь. Алексей едва не поперхнулся – нервы были на пределе.

– Кого там черти принесли... – поспешил он в прихожую.

Прильнул к глазку – ого, сосед нарисовался! Алексей обрадовался, распахнул дверь.

– Айда, заходи, – пригласил он майора. – А я думал, ты на совещание забурился.

Ракитин с недовольной гримасой махнул рукой:

– Да ну их к лешему, эти совещания! Там эти мудаки собачатся, да выясняют, кто больше других лоханутый, в смысле ответственный, на кого бы побольше перегрузить... Я потихоньку улизнул. Срочно понадобится – вызовут, для того мобила и существует.

Они зашли на кухню, Меркурьев ввел эмчезника в курс дела – описал последние события. Тот слушал с открытым ртом.

– Ну, дела... – только и сумел сказать.

Алексей помолчал, затем допил свое пиво, стукнул бокалом о стол и обвел всех внимательным взглядом:

– Ну, хорошо. Давайте подытожим. Что мы на сегодня имеем? Во-первых, в институте разрабатывали нечто секретное – скажем, нанотехнологическое оружие. Кстати, Игорь, их как-то называли, эти штучки?

– Да, – кивнул тот, – мы называли их нановитами. От греческого слова «нанос» – карлик, гном, и латинского «вита» – жизнь... Мерецкой был уверен, что сделает их не просто механизмами, а именно организмами, живыми существами.

– Понятно, значит, нановиты, – продолжил Алексей, – во-вторых, нам известно, что на днях, скорее всего, произошла утечка. Как ты думаешь, – снова обратился он к ученому, – каким образом это все приключилось?

– Н-ну... – протянул Рябинин, – пожалуй, через вентиляцию в виде газообразной смеси, мельчайших пылевых частичек. Возможно, через людей – носителей этих устройств. Внутри человека они могут попасть либо через повреждения кожи, либо при дыхании – через нос или рот. Их ведь изготавливают на основе особых соединений углерода с фосфором – это так называемые фуллерены. А они легко проникают в организм посредством инфильтрации через микроразрывы и трещины в кожном покрове или через слизистую в горло и пищевод.

– Ага... – глубокомысленно протянул журналист. – Ну, с этим тоже теперь ясно. Итак, в-третьих, случилось худшее – заразилась часть жителей. Как это проявляется и какие последствия – об этом еще покумекаем. А пока хочу выделить один пункт, кстати, самый непонятный – взрыв в институте и пожар. Это не укладывается в нашу схему.

– Да наша схема – полная чушь! – горячо воскликнул биолог. – Мы вообще ничего не знаем наверняка, а значит, и понять не в состоянии. Сам посудите: эти горе-нанотехнологи – язви их! – могли умышленно допустить утечку. А могли и не знать об этом. В последнем случае, получается, что нановиты сами вырвались наружу – ведь там, как я знаю, были приняты самые строгие меры предосторожности и безопасности. То есть...

Он прервался на полуслове, будто сам не верил тому, что сейчас сказал.

– То есть, – закончил за него Алексей, – эти нановиты, вопреки твоим убеждениям, все-таки обладают разумом и способны сами принимать решения.

– Ну, блядь!.. ой, прошу прощения у дамы, – подал голос молчавший до этого майор. – Ну, ребята, вы щас такое несете, что мозги набекрень! Это что же выходит – хреновы ваши гномики-шномики взбунтовались и решили жить по-своему?..

– Вот, – торжественно изрек Меркурьев, берясь за баллон с пивом, – вот, наконец-то! Хоть один сказал то, о чем мы все думали, но не решались озвучить: нановиты разумны, они приняли решение жить самостоятельно, независимо от человека и его команд, и они же взорвали на хрен лабораторию с институтом и своими хозяевами-создателями в придачу. Теперь их туева хуча распылена по всей Белой роще. Кстати, а пламя их может уничтожить?

Вопрос предназначался Рябинину, пребывающему в растрепанных чувствах.

– Ну... думаю, да, – ответил тот, – как любой живой организм... хотя они должны быть устойчивы, но очень высокая температура... ну, скажем, открытое пламя – разрушает фуллереновые соединения, так же, кстати, как кислоты: серная и соляная, например. Скорее всего, большая часть их погибла в огне пожара.

– Будем надеяться, что это так, – подытожила Света.

– Зато другая, пусть и малая часть сейчас разлетелась подобно спорам по округе, – невесело напомнил Алексей. – Эти споры вдохнут люди и... дальше что?

– Слушайте! – подался вперед майор с бокалом пива в руке, – меня вот тут осенило. Помнишь, Леха, я рассказывал о сбесившихся любителях чертовщинки? Ну, о тех, что намеренно оборвали телефонные провода в нашем Управлении... Так, может, это как раз и есть симптомы болезни?

Какое-то время все молча смотрели на него, затем Меркурьев оживился:

– Точняк. Тебе бы Николай забить на свое МЧС и прямиком в науку – на передний край исследований...

– Ага, или в сыщики податься, – сыронизировал майор.

– Нет, правда! Вот вам и ответ по третьему пункту. Зараженные нановитами люди потихоньку съезжают с катушек, им начинает мерещиться всякая хрень... А последняя стадия – луддитство.

– Чего-чего? – переспросил Николай.

– Луддитами называли в Англии времен промышленной революции погромщиков, – пояснила Света, – только они громили не людей, а технику. Ломали, сжигали...

– Да, – подхватил Алексей, – как тот урод на автостоянке! Все, пошло-поехало!.. Если еще кто-то подхватил – ждите новых чудес.

На какое-то время воцарилось молчание. Все припали к пиву, осмысливая услышанное... Хозяин подал голос первым:

– Да, друзья мои, такая вот картина... А самое паршивое – что они, эти самые нановиты, похоже, и устроили взрыв!

– Постой, – сообразил Игорь, – ты хочешь сказать, что они могут поражать людей, их мозг, и... перепрограммировать сознание? То есть, часть моих коллег из подземной лаборатории свихнулась... в смысле, заразилась нановитами и перепрограммировалась ими?

Алексей задумчиво покивал головой.

– Боюсь, что да... – пробормотал он так, словно хотел сказать что-то большее, но вдруг передумал.

А на самом деле так оно и было. Меркурьев хотел было поведать про того полудурка, что прицепился к нему на улице: вспомнил его пустые, бессмысленные глаза, каких не бывает даже у последних алкашей... Тут же вспомнил и свое видение – гигантский призрак над горизонтом.

«Ч-черт... – промелькнуло в голове, – неужто и я тоже...» – но здравый смысл мигом подсунул спасительный аргумент: да ведь если это так, то давно бы ты, Алексей Меркурьев, громил машины, бил стекла! А может, и валялся бы уже с ментовской пулей в черепе.

Игорь уловил заминку:

– Ты что, Леха? Сказать что-то хотел?..

– Да-а... – протянул Алексей. – Я вот что подумал: эти... те, кто звонил, кому мерещилось, они, возможно, в разной степени заразились: кто-то больше, кто-то меньше... и не так уж страшен черт, а?

Рябинин пожал плечами.

Внезапно заиграла мелодия сотового у Николая. Он ответил, перебросился с кем-то короткими фразами. Дал отбой и повернулся к друзьям.

– Ну вот! – воскликнул он. – Шеф требует к себе. Я поехал. Буду держать вас в курсе, если появятся какие новости.

Он встал, пошел к выходу и уже в дверях задержался:

– Я вот что подумал – не лучше ли пока держаться вместе? К черту работу и все остальное... В общем, ждите меня, я там не собираюсь торчать долго. Скорее всего, наши придурки ничего толком не знают и ни о чем не догадываются. Зато мы-то знаем.

Он кивнул и вышел.

И тут же выяснилось, что под разговоры опустошили весь баллон – а душа уже успела вернуться и требовала добавки. По выражению лица Игоря многоопытный Меркурьев понял, что и у него такое же настроение. Света же как будто раскисла.

– Ладно, – сказал Алексей, – слетаю-ка я пулей в ларек. Не повредит... Светик, ты как?

– Я в порядке.

В порядке, так в порядке. Алексей не стал лезть в девичью душу, собрался и пошел, предупредив, что вскоре будет.

Так оно, собственно, и вышло, но с одной поправкой...

Подойдя к ларьку, Меркурьев уже было полез за деньгами, помыслив, что на всякий случай надо бы взять баллона два... и тут его окликнули:

– Леха!

Алексей резко обернулся – ба, Зверев! Сосед-омоновец, с телосложением трехкамерного холодильника – да в камуфляже, берцах, да еще на страх врагам автомат АКСУ через плечо.

– Здорово, – Михаил протянул Меркурьеву ладонь-лопату, затем сунулся к окошку ларька:

– Кто тут?.. А, Сергеевна, здорово! Дай-ка мне баллон на два с полтиной, да запиши, потом рассчитаюсь. Ага... Леха, слушай, у меня к тебе дело. Ты что, тоже за пивасом? Ништяк! Бери, да пойдем.

Алексей мысленно хмыкнул, но виду не подал, взял пиво. А когда пошли, спросил с умыслом:

– Вас что, тоже на этот взрыв подняли? Ну, в институте?

– А, знаешь, уже?

– Ну так!.. – Меркурьев сделал мудро-многозначительный вид.

– Так, так... Нет, товарищ журналист, всего ты, видно, не знаешь.

У Алексея екнуло сердце.

– Ё-мое... А что еще?

– Пошли, – Михаил открыл дверь подъезда и, уже войдя, огляделся. Никого не было, но он все же понизил голос: – Хреновые дела, Меркурьев Алексей. Даже совсем хреновые. Бунт на зоне. На ментовской, в Шишкино, знаешь?

– Да ты что?! – ахнул Алексей.

– Да. Слушай! Тут дела такие: я как раз в наряде был, когда шарахнуло. Ну, мы в боевую готовность, конечно, мало ли что... Тут команда: так, мол, и так, в институте взрыв, там МЧС, пожарные, а вам режим «плюс пять».

– Это...

– Это значит: в случае тревоги через пять минут – на выезд.

– Ага, ага...

Подъехал лифт.

– Тебе какой? – спросил Зверев.

– Восьмой.

– А, точно! С Колькой вместе, – он ткнул кнопку восьмого этажа.

Алексей не успел удивиться, как Михаил продолжил:

– Ну, ладно. Плюс пять, так плюс пять. Сидим, ждем. Вдруг команда: в ружье! Срочный выезд. Ну, мы в пять минут – в автобусы и вперед. Сперва так и подумали, что в институт, в оцепление там... А потом смотрим: вроде не туда едем. Куда?.. Тут видим: в Шишкино! Мать вашу, что такое? А там... Сказать тебе – не поверишь. Ни в жизнь! Это не бой. Это побоище. Пекло!

– И ты?.. – начал догадываться Меркурьев.

– А чего я? У меня запасной жизни нету, это тебе не компьютерные игры. Нет, службу тащить – всегда готов! Как штык. В горячие точки? И это понимаю, нет проблем. Но тут! Там... Леха, я тебе говорю, там такое, мля!..

Михаил выразительно потряс огромными ручищами – слов у него больше не нашлось.

К этому времени они уже были на восьмом этаже. Алексей, конечно, понял, что в данном случае говорить что-то об офицерской чести... не тот компот. Поэтому он сказал так:

– Постой. А как же с начальством теперь?..

– Да греб захлеб я это начальство! Они чем думали, когда нас туда кинули – без поддержки, без усиления?.. Без броников! А-а, то-то и оно. А тут... Леха, я тебе точно говорю, это не просто бунт. Это психоз какой-то! Точно.

– Это... психоз... – эхом повторил Алексей, и озноб пробежал по его спине.

Глава 4

1

С самого начала, когда осужденный Валерий Подольский по прозвищу Валера-убийца попал на ментовскую зону, его после месяца отсидки в карантинном бараке определили в пятый отряд – строгого режима, где все мотали срока за особо тяжкие преступления. И как-то так получилось, что спецконтингент отряда № 5 составляли, в основном, бывшие спецназовцы и опера. Впрочем, последних было всего шестеро – двое эфесбешников, трое ментов из угрозыска и ОБЭПа и один из налоговой полиции (этого черпанули и закрыли, когда сия спецслужба еще существовала).

Подольский вел себя скромно, но достойно. Поначалу к нему лишь приглядывались. На третий день к Валере подвалил башкир Зульфар Абдульманов по кличке Батыр – бывший офицер-собровец откуда-то из Башкирии. Он сообщил новичку, что является здесь старшим – смотрящим по отряду и поинтересовался, откуда тот, за что закрыли и все в том же духе...

И хотя Подольский слышал, что на зоне вроде как не принято расспрашивать о причинах отсидки, он спокойно назвал свои статьи. Башкир уважительно кивнул и спросил, есть ли у него погоняло?

– Валера-убийца, – сообщил вновь прибывший, – так меня звали с первой чеченской.

С тех пор все зэки спецколонии только так его и называли.

Валере дали пятнашку. Отмотал пять лет. И впереди – беспросветное будущее. Хотя его никто здесь не задирали – ни сидельцы, ни вертухай, да и жрачка была сносной – конечно, по меркам нынешней жизни на зоне, но понять всю тоску и весь депресняк, что поселились в душе ЗэКа Подольского Валерия Яковлевича, может лишь тот, кто сам вкусил всех прелестей лагерной жизни.

Первое время Валера часто вспоминал содеянное им, потом все куда-то ушло – воспоминания поблекли и развеялись как дым. А ведь он ни о чем не жалел...

...Спецназ ГРУ это тебе не хер собачий, один боец стоит десятка омовцев. В их подразделении Валера-убийца был снайпером и заместителем командира в звании капитана.

В тот день с утра пораньше они проводили зачистку одного Богом забытого чеченского села на границе с Ингушетией. Бог-то, может, и забыл, но не забыли «чехи». По разведанным село облюбовало одно из чеченских бандформирований. Сообщалось, что мирных жителей там нет, давно бросили свои жилища и перебрались в соседнее село. Так оно и оказалось.

Конечно, можно было просто накрыть гнездо боевиков ракетными залпами. Но на этот раз командование решило обойтись без артиллерийского шума и пыли. Отряд спецназовцев-грушников скрытно окружил село, и с первыми лучами восходящего солнца начался штурм. В живых никого не оставили. Сами обошлись почти без потерь – легкие и средней тяжести ранения не в счет. Снайпер Валера-убийца лично снял нескольких «чехов».

Когда на обратном пути проезжали на своей бээмпешке (сзади тащился бэтээр) соседнее, мирное, село, остановились пополнить запасы воды. Жители враждебности не проявляли, но и особой радости от встречи с российским спецназом тоже не испытывали. Валера с сослуживцем, старлеем Русланом Юдиным – полурусским-полуингушем – прогуливались неподалеку от БМП, осматривали в бинокли окрестности, когда к ним приблизилась целая делегация горлающих что-то на своем чеченок. Одна из них подбежала к бойцам, непрерывно крича и размахивая руками. Валера оттолкнул ее от себя, повернулся к товарищу:

– Чего ей надо?

Тот прислушался:

– Говорит – полмесяца назад похитили ее дочек. Одной – пятнадцать, другой – всего тринадцать.

– Ну, а мы-то тут причем?..

– Ну так... – Руслан замаялся, вслушиваясь в надрывные вопли женщины, – в общем, это... она утверждает, что это были наши солдаты.

– Что?! – спецназовец резко обернулся, ткнул пальцем в сторону галдящих баб. – Думай, что говоришь!..

К ним подошел седобородый старик. Заговорил по-чеченски с Юдиным. Валера буравил аксакала посуровевшим взглядом.

– Короче, – обратился к сослуживцу старлей, – старый говорит – правда все, не врет баба.

– Да что за бред?! – возмутился Валера. – Ты! – он подступил к старику-чеченцу, затем кивнул Юдину: – Спроси, знает ли – кто такие, хотя бы род войск...

– Я не разбираюсь, – неожиданно по-русски сказал аксакал, – не знаю, что за войска. Но тоже в камуфляже были, как и вы – только не в зеленом, в светло-синем. Автоматы – укороченные калашы. Здоровые такие, мордатые...

– Зачем приезжали к вам? – продолжал допытываться Подольский.

– Двое наших оружие передавали полевым командирам. Те, камуфляжные, приехали, били долго Шамиля и Анвера, потом забрали их и девочек, увезли...

Валера пристально посмотрел прямо в глаза старого человека, попытался понять – лжет тот или нет. Затем повернулся к старлею, растерянно покачал головой. Тот пожал плечами:

– Я краем уха слышал, что в городе есть подпольный бордель – для солдат. Но это лишь слухи...

Когда вернулись в город, бойцам дали увольнительную на день. Подольский стал осторожно расспрашивать знакомых. Вскоре собрал нужную информацию – все указывало на местную кутузку, где расквартировался тюремный спецназ – там службу несли приехавшие три месяца назад бойцы спецназа УИНа одного из поволжских городов.

В каждом городе, рядом с которым имеются колонии, Управление исполнения наказаний располагает собственным подразделением спецназа для подавления возможных бунтов на зоне. Время от времени такие отряды наряду с ОМОНами посылали на определенный срок в Чечню. Кому это была война, а кому и халява – как, например, спецназу УИН. Они ж практически не воевали, все только охраняли тюрьмы да изоляторы.

Как пробраться незамеченным на охраняемый отнюдь не тупыми вохровцами объект? Так этому их как раз и учили – надо сказать, хорошо учили, да и требовали с них инструктора строго. Когда под прикрытием темноты Подольский оказался на месте, то вначале затаился и принялся наблюдать в прибор ночного видения окружающую обстановку. Внимание сразу привлекло двухэтажное здание – как видно, местный карцер, или ШИЗО – штрафной изолятор. Вскрабкался на крышу, оттуда незаметно спустился к зарешеченному окну второго этажа, осторожно заглянул. Внутри какое-то легкое шевеление, на полу – то ли тюки, то ли... Ох ты, мать твою! Это ж люди...

Он снял инфракрасные очки, достал миниатюрный, но очень мощный фонарик, включил... Узкий луч света выхватил из темноты обнаженные тела девочек – спецназовец насчитал пятерых. Грязные, все в синяках и ссадинах, они валялись на брошенных на каменный пол замызганных матрасах. На свет отреагировали одинаково – сбились в кучу, заскулили...

Валера прыгнул вниз, холодная ярость полыхала под черепной коробкой. Он взлетел по короткой металлической лесенке, толкнул незапертую дверь. Внутри, в «предбаннике» изолятора развалились в креслах трое мордоворотов в камуфляже – как раз таком, какой описал старик. Заметив незваного гостя, один из них привстал:

– Тебе чего, служивый?..

– Девчонки... – глухо произнес капитан.

– А-а-а... – осклабился тот, – потрахаться захотелось, солдатик. Ясен перец. Короче, расценки знаешь?..

Валера отрицательно мотнул головой.

– Двадцать баксов – и выбирай любую. Соски что надо...

Он осекся, увидев изменившееся лицо «солдатика».

– Гниль ты! – прошипел сквозь зубы Подольский. – Писец вам всем...

– Че-о-о!.. – быковатый выпучил глаза. – Ах ты, гнида! Пацаны, мочи его...

Трое бойцов зоновского спецназа были не пальцем деланные, подготовку прошли соответствующую, но капитан уже вошел в боевой раж. В два счета расшвырял их как котят и, пока те не успели очухаться, выхватил пистолет и произвел три прицельных выстрела – по одному на каждого – все в голову, для верности.

Потом была военная прокуратура, трибунал, ИВС, этап и ментовская зона – исправительная колония для спецконтингента, где мотали срока так называемые б/с, или бээсники – бывшие сотрудники МВД, прокуратуры, судов, спецслужб...

То, что его определили именно в этот город, в эту колонию, Валера считал знаковым событием. Именно отсюда родом его бывший товарищ по оружию Петр Меркурьев... Эх, жаль нет теперь с ними Петра, а то бы навещал кореша... А так только родители за все время отсидки пару раз приезжали из Пензы, а чаще и не могут – сами уже престарелые да больные.

Жениться вот не успел – все воевал. А может, оно и к лучшему – не дело безотцовщину плодить. Детишки при отце-зэке, мотающем длительный срок, почти как сироты.

2

Давно ему война не снилась: ни первая – провальная ельцинская, ни вторая – путинская. Давно... А сегодня вдруг приснилась. Грохот артиллерии, свист снарядов и бумы дальних разрывов. Взрыв, еще один – погромче. И тут он проснулся.

Не сразу и понял, где он – в Чечне или... Нет, на зоне он, на ментовской. Уже пять лет, как тут. А в ушах все еще грохот стоит. Подольский резко сел на койке. Вокруг суета какая-то, эки переговариваются:

– Слышал, Проха?

– Ну, взрывы типа...

– Эй, Антип, как думаешь, где это?

– А ну, утухли, – зычный голос Батыра. – Ша, я сказал! Не слышно из-за вас ни хера...

Наступила тишина, которая буквально через полминуты была распорота треском автоматной очереди. Стреляли где-то рядом, возле промзоны. Донеслись крики и сразу несколько пистолетных выстрелов. И снова замолотил в чьих-то руках калаш – звуки выстрелов из автомата Калашникова не спутать ни с какими другими.

– Екарный бабай! – голос старшего стал сиплым, видно, и Батыр охренел от происходящего. – Слышь, братва, давай подъем, только тихо. Всем собраться и быть наготове.

Наготове к чему? – чуть не сорвалось с языка Валеры, но он вовремя язык прикусил. Он вообще в своей лагерной жизни старался не болтать лишнего, да и лишних телодвижений тоже не делать.

Как и все быстро вскочил, оделся и застыл в проходе между койками – в темноте. Свет им после восьми вечера отрубали. Экономила на электричестве администрация, да и не положено зэкам при свете гнать дуру – в смысле бездельничать...

3

Заместитель начальника колонии по безопасности и оперативной работе майор внутренней службы Вазген Слепян – главный кум на зоне, проторчал на работе весь день – дел накопилось невпроворот, а тут еще проверкой столичной грозились из областного УФСИНа. В общем, заночевал в колонии, на раскладном диванчике в своем кабинете.

Спалось плохо, долго ворочался. Оно и понятно – чертова проверка, да еще хреновы сотрудники... Вот вчера, к примеру, трое из заступивших на дежурство контролеров вели себя подозрительно. В принципе, ничего такого из ряда вон выходящего, но видок у всех троих был такой, словно мужики белены объелись. Ну да, точно – не иначе как обширялись, сучье отродье! Все признаки наркотического дурмана – заторможенные движения, остекленевшие глаза, на обращения к ним реагируют вяло.

Майор решил пока ничего не предпринимать – до приезда хозяина. Начальник должен появиться завтра, во второй половине дня. Вот тогда и поговорим с нариками за жизнь... А он с утречка закончит с бумажками этими треклятыми, смотается домой, пообедает нормально, и обратно в зону. Ладно, хоть спецконтингент особо не докучает – все ж менты, хоть и бывшие, порядок знают.

Не выспавшийся толком и разбитый, точно бухал по-черному, майор поднялся затемно, умылся и сел за стол, где уже были разложены пухлые папки с делами.

Когда донесся грохот от дальних взрывов, а немного погодя раздались первые выстрелы, поначалу Вазген даже не успел удивиться, вот только вялость как рукой сняло. Мигом достал из сейфа табельный «макаров», схватил связку ключей и кинулся к оружейной. Запоздало подумал, что надо бы отзвониться в Управление, сообщить о ЧП. Но решил, что еще успеет: сначала нужно понять, в чем тут дело, кто стреляет и зачем.

Дверь в оружейную комнату была открыта. Слепян передернул затвор и осторожно двинулся к арсеналу. Подкрался, заглянул внутрь... Ну, так и есть – в комнате орудовал один из вчерашних нариков-надзирателей.

Свихнулся, урод – мелькнула догадка. А может, с кем-то из сидельцев снюхались? Неужто побег решили организовать? Майор разом вспотел: твою мать, только этого сейчас и не хватало! Вот черт, непонятно только – че он делает-то?.. Прапорщик доставал из оружейных шкафчиков один за другим автоматы и складывал их вместе с магазинами на металлическом столике.

Ладно, некогда мозги ломать!

Майор метнулся в комнату, сразу же ушел в сторону, прикрывая спину стеной, и заорал: – Стоять, шкет! Руки в гору! – зачем-то перейдя на блатной жаргон и не забывая целиться в нарушителя.

Тот медленно – ну точно зомби из голливудских ужастиков – повернулся, пустым взглядом уставился на офицера. Рука прапорщика потянулась к ближайшему «калашу».

Майор не верил своим глазам: обдолбанный (теперь в этом не было никаких сомнений) контролер взял в руки автомат, спокойно так, деловито подсоединил рожок и уже начал вскидывать оружие... Врешь, падла, я тебе сейчас покажу, как за ствол хвататься!..

Грянул пистолетный выстрел, пуля, выпущенная с расстояния нескольких метров, кувалдой ударила в плечо нарушителя, швырнув его спиной на шкафчики. Не тут-то было – хренов наркоша даже не выпустил оружия из рук и начал подниматься. Майор взревел и выстрелил еще трижды – промахнуться с такого расстояния было трудно, и все пули угодили точно в грудь противнику. Тот рухнул навзничь.

Слепян, все еще держа перед собой пистолет, осторожно обошел стол, приблизился к поверженному надзирателю. Мать моя женщина! – урод все еще жил и пытался подняться. Правая рука скрюченными пальцами поползла к валявшемуся рядом автомату.

Да что ж это такое, в рот тебя чих-пых! У майора полыхнуло перед глазами, он нацелился в коротко стриженую башку прапора и надавил на спуск.

Потом минут пять сидел на полу у стены, приходил в себя. Руки тряслись, зубы предательски постукивали. Че это, а? Что за хренотень такая?! Нет, ну почему с ним и в его смену? Да еще в отсутствие шефа!

Тут его самокопание было самым грубым образом прервано отдаленными звуками выстрелов. Очередь, еще одна... Он собрался, вскочил, достал из шкафчика броник и напялил его на себя. Затем прихватил «калаш» с парой запасных магазинов. Вышел, машинально огляделся и запер комнату.

Надо звонить – немедленно! Всех на уши поднимать, не хер им дрыхнуть, мудакам толстозадям! Пусть, блин, присылают сюда спецназ!

Майора Слепьяна трясло как в лихорадке.

4

Колония для отбывания наказания бээсникам была небольшая – по меркам этих мрачных заведений. Численность осужденных не превышала тысячи человек (в других подобных зонах – до двух с половиной тысяч). Персонал состоял из трехсот с небольшим человек (обычно около пятисот-шестисот) – из них около восьмидесяти офицеров и без малого двести прапорщиков.

Особое подразделение составляла рота охраны. Когда-то эти военнослужащие входили в состав внутренних войск МВД, но с некоторых пор были переданы под юрисдикцию Федеральной службы исполнения наказаний. И теперь именовались отделом охраны колонии.

В карауле обычно было шесть человек дежурных – пятеро младших инспекторов и старший над ними, инспектор. Огнестрельное оружие – пистолет «ПМ» лишь у последнего. Да еще четверо караульных на вышках – вот они вооружались автоматами Калашникова.

В семь утра – за час до подъема осужденных – нынешний караул должен был смениться по графику. В шесть тридцать двое дежурных прапоров отправились проверить территорию промзоны. Трое других остались в караулке. Старший проверил проход между КПП и караульным помещением, затем связался по рации с охраной на контрольном пункте и с каждым из охранников на вышках. Все было путем. Он вернулся в караулку.

Было без четверти семь, когда старший по наряду вышел во двор и заметил возвращающихся сотрудников. Внезапно позади них показались фигуры двоих контролеров – дежурных по жилой зоне.

И что-то было в них не так... Это наметанный взгляд инспектора просек сразу.

Ну да, они шли от здания Администрации. Но не это настораживало – их мог вызвать старший кум. В руках у них было оружие – автоматы-укороты. А это прямое нарушение режима дежурства. Тем более команды не было – рация все время была в исправном состоянии, он бы услышал приказ.

Старший по наряду уже хотел было грозно окликнуть провинившихся, когда те вскинули оружие и открыли огонь по его сотрудникам. Прапорщики из караула задержались под очередями и кулями повалились на землю. Старший на мгновение застыл, не веря в происходящее, затем сработала реакция – он бросился плашмя, залег за бордюром. Трясущимися руками расстегнул кобуру, выхватил пистолет. Газончик перед ним вспорола автоматная очередь. Еш твою мать! – инспектор чуть не обоссался. А ведь как раз хотел отлить перед этим, да вот не успел...

Лежа на спине, он слышал, как бухают тяжелые подошвы ботинок контролеров-убийц по асфальту. Перекатился на спину, выставил руку с макаровым, прицелился. Бах – первый выстрел всегда требует усилий, следующие идут легко – бах-бах! Все три – мимо. А те двое даже не залегли. Дали в его сторону длинную очередь.

Ох, м-мать! – одна из пуль ужалила ногу. Ну и боль! Он глянул – темное пятно расплзлось на левой брючине. Кажись, икра прострелена. Но кость вроде не задета.

Так, теперь надо жопу свою спасать. В караулке можно продержаться, подмогу вызвать. А тут в два счета подстрелят – эти двое то ли рехнулись, то ли сговорились с ээками – побег тем устроить. Он выстрелил наугад и пополз. Так быстро он никогда еще в жизни не ползал – ни в учебке, ни во время службы во внутренних войсках, когда был командиром взвода и со своими бойцами тренировался наравне, выкладывался по полной.

Дополз до крыльца, приподнял голову и оглянулся. Те двое мерно вышагивали по направлению к караулке, с автоматами наперевес – вылитые эсэсовцы, язви их в кочерыжку! В это время проснулся, наконец, охранник на ближайшей вышке и полоснул по нарушителям очередь.

Мимо! Мазила хренов.

Те двое вскинули автоматы, хлестанули по вышке дружным залпом, ответили. Инспектор воспользовался этим, забрался на карачках по ступенькам и принялся колотить в закрытую дверь, надсадно крича:

– Я это, я! Тюлькин. Открывайте быстрее! Кому сказано, мать вашу...

Дверь приоткрылась, вытянулась рука в камуфляже, схватила прапора за шиворот и быстро втянула внутрь.

5

Вообще-то инспектора и контролеры в наряде не имеют права ходить с оружием. Резиновые дубинки да наручники – вот и все вооружение. Правда, Слепян слышал, что в некоторых колониях пошла мода на шокеры, но это слишком дорогое удовольствие – в то время как не хватает средств элементарно рассчитываться за электроэнергию и ее приходится жестко экономить. Ладно, у хозяина зять владел грузовым автопредприятием, так иногда соляру подкидывал для дизельного генератора по льготным расценкам. За это ээки бесплатно ремонтировали его автопарк.

Майор крался по темному коридору к входной двери и понимал, что двое других придурков – а кто ж еще? – успели завладеть оружием и теперь, видимо, напали на караулку – у инспекторов из роты охраны кроме спецсредств – дубинок, браслетов и газовых баллончиков, другого оружия, увы, не было. Только у командира пистолетик. Вся надежда на охранников на вышках – у тех автоматы.

Вновь задолбил калашников. Судя по направлению, откуда шли выстрелы, это точно было в районе караульного помещения. Наверное, дежурный наряд заперся в караулке, а напавшие их обстреливают. Только бы они продержались до приезда «волкодавов» – молился про себя майор, подкрадываясь к двери.

Входная дверь в здание Администрации была добротной – из холоднокатаной стали толщиной в пять миллиметров. Опять же хозяйский зятек расстарался. Везде таких дверей поставили – в том числе и в дежурном помещении караула. Правда, и наварились на этом зять с тестем тоже неплохо – это Слепяну было доподлинно известно. Как всякий опытный и дальновидный опер-безопасник, он держал в надежном месте достаточно вещдоков и компромата на всех – шеф тут не был исключением. Копии тех договоров – и настоящих, и липовых – имелись в записной книжке запасливого майора. Не дай Бог, схватят его за яйца – он всех так прижмет, мало никому не покажется. Сами баланду тюремную хлебать будут.

Но сейчас в мыслях он благодарил зятя начальника колонии – за бронированные двери и крепкие решетки на всех окнах. Если что, можно продержаться в здании до приезда подмоги.

За несколько минут до этого Слепян все же вызвонил дежурного по Управлению. Тот, само собой, поднял тревогу, а это значит, что мордовороты из «Волкодава» уже в пути. Пообещали пригнать и городской ОМОН – на всякий случай. Майор не думал, что это так уж необходимо – спецназовцы всех тут задавят, если не числом, так огнем и умением. Да и вообще на бунт что-то непохоже. Скорее все-таки те трое нариков (двое – поправил себя Вазген, – теперь уже двое) кипиш подняли...

Майор крупно ошибался – причем по всем статьям.

6

– Лучше за дверь не соваться, – просипел бывший опер ОБЭП Геннадий Баев, осужденный за убийство любовницы на почве ревности. – Маслину в миг поймашь. Свои разборки там. Может, кто из других отрядов сорвался – ломанулись внагляк, а?

– Я бы знал, что кто-то заточил копыта, – мрачно мотнул головой Батыр. – Нет, это непонятки какие-то. Если и разборки, так между вертухаями.

– Как это? – удивился кто-то.

– Я почему знаю! – огрызнулся старшой и тут же скомандовал: – Тихо! К нам гости...

Вскоре и остальные услышали приближающиеся к барaku шаги. Бух-бух-бух – кто бы это ни был, он не скрывался.

– Разбежались по шконкам, – скомандовал Батыр, а сам достал из тайничка ежик – длинное, узкое, наподобие стилета, лезвие с наборной ручкой из плексигласа. Уж сколько шмонали их, а ни разу не нашли ничего – хитрый башкир умел устраивать схроны. Он засунул перо за отворот рукава и затаился за дверью.

– Слышь, это вроде карась чужой, – негромко произнес один из эков, выглянувший в зарешеченное окно. – Ствол у него, калаш...

Батыр цыкнул на него, а у самого мысли так и заскакали, как сайгаки в степи. С хера ли это «карась» – надзиратель из наряда, идет к ним? Да еще со стволом. Своего «чабана» – начальника отряда, они прекрасно знали: старлей Филиппенко, усатый хохол с бычьей шеей и почти полным отсутствием мозгов. Может, хотят перевести всех по камерам, например, в ПКТ – помещение камерного типа, местную крытку? Все же они на строгае – строгом режиме. А значит, потенциально опасные. Ярар, щас выясним – что к чему...

Щелкнул замок, дверь распахнулась, человек вошел, остановился – видать, оценивает обстановку... Батыр затаил дыхание, соображая – выйти и обнаружить себя или выждать и посмотреть – что этот хрен дальше делать будет. Тут кретин Баев к вертухую сунулся:

– Гражданин начальник, а что...

Договорить он не успел. Очередь, выпущенная из автомата в упор, отбросила его на пару метров назад. В полутьме метнулись фигуры эков, и убийца мгновенно прошелся по ним короткими очередями.

Уже не думая ни о чем, Зульфар прыгнул вперед, обхватил противника за шею в удушающем приеме и несколько раз вонзил перо под левую лопатку. Выронив автомат, тот осел на пол. Батыр ногой запахнул дверь, нащарил выключатель. Через мгновение барак осветился – странно, электричество давали ровно в восемь, время еще не пришло. Но башкир-собровец даже не удивился – закончилось, видно, время удивляться. При свете стало ясно, что четверо б/с откинули копыта, двое выли, зажимая кровоточащие конечности. Остальные попрятались, кто куда. Кроме Валеры-убийцы. Тот был на ногах, лицо напряженное, белое, в руках такой же самопальный нож, как и у Батыра.

С пола слышалась какая-то возня. Зульффар глянул вниз и тихо охренел: проткнутый насквозь «карась» встал на четвереньки и силился подняться на ноги... И ведь тыкал он этого мудака не куда-нибудь, а прямо в сердце – неужто рука дрогнула, подвела? Батыр зарычал, но его опередил Валера – подскочил к врагу и полоснул кесарем по шее, да с такой силой, что почти отхватил тому башку.

Бывший спецназовец глянул на старшего – тот молча кивнул, наклонился, поднял автомат. Привычно проверил магазин, затвор.

– Рвать когти надо, Валерьян, – пробормотал он. – Че-то непонятки какие-то. Пожить-то еще хочешь?

– А то, – мрачно кивнул тот.

– Ну тогда давай, собирай братву – пойдем на дело.

– Че надумал-то?

– Аул брать надо.

Подольский покачал головой:

– Совсем крыша съехала? Ты что – штурмом брать надумал?!

– Зачем штурмом? Там у них неразбериха, да? Ну так не до нас щас. И вообще, на месте разберемся, прикинем хер к носу. А, булды?

Валера покумекал секунду-другую и обреченно кивнул:

– Булды.

А сам подумал – хитрец башкир, знает, что там, в «ауле» – в здании Администрации, целый арсенал стволов, есть чем поживиться. Может, сдернут они с зоны – освободятся за зеленым прокурором? И удача улыбнется – уйдут, пока шухер тут стоит. А потом что?.. Ну, там видно будет.

7

Входная дверь была не заперта – первое нарушение. Второе – на вертушке у входа никого не наблюдалось – а должен дежурить инспектор. И третье... Вот дерьмо, так дерьмо! – хлопнул себя по лбу майор. Третье он сам допустил. О чем только думал, голова садовая! Забыл о рации, которую оставил в кабинете. Наверняка дежурные все это время пытались связаться с ним.

Он ворвался в кабинет, схватил со стола рацию, включил. Настроил на нужную частоту. Тут же отозвался старший в карауле – инспектор Тюлькин. Доложил обстановку – все оказалось намного хреннее, чем Вазген себе представлял. Из четырех автоматчиков на вышках отзывался только один – возле КПП. Остальные или убиты, или... в сговоре с этими... На контрольно-пропускном пункте трое контролеров заперли все двери и решетки. Ждут приезда омоновцев и «волкодавов». Больше никакой информации нет. Выстрелы донеслись пять минут назад со стороны жилой зоны.

«Полный отпад», – пробормотал, отключаясь, Слепян. Раненому в ногу старшему и трем уцелевшим младшим инспекторам он приказал сидеть в караулке, не высовываться. Надо брать стволы, и – в дежурку, решил он спустя минуту.

Он с досадой шархнул по столу – ну надо же, в его гребаное дежурство!

Хозяин – сука, замы его остальные – суки, «филины» эти – зоновские контролеры – тоже суки!.. А он должен героя сейчас из себя строить. А то, может, уже в эту самую минуту продажные вертухай, гандоны рваные, выпускают зэков из бараков, чтоб те ломанулись за охрану – в лес, в тайгу. Или в город – если совсем крыша съехала. Разбегутся по округе, лови их потом. Майор вытер разом взмокший лоб. Ну ладно, пора вниз, за оружием, а потом до караулки добежать и в КПП – вооружить ребят. Придется, черт возьми, тащить с собой семь стволов. Да еще глядеть, чтоб самого по пути не подстрелили. Твою мать!..

8

Территорию колонии окружал трехметровый забор: два метра каменных плит и метровая сетка с тремя рядами колючей проволоки наверху. Прибывший по тревоге спецназ решили разбить на четыре группы и проникнуть на зону с четырех сторон одновременно. Первая группа со щитами разграждения должна была войти с южной стороны через КПП, вторая, третья и четвертая – соответственно, с севера, запада и востока. Двум командам – первой и второй, было придано по снайперу. Бойцы всех групп были вооружены модернизированными АК-74 и штурмовыми винтовками для бесшумной стрельбы АС «Вал», пистолетами ПМ и ПММ и, само собой, спецсредствами – в том числе гранатами «Заря» и «Пламя», вводящими противника в шоковое состояние. Рассчитывали на внезапность штурма и огневую поддержку снайперов и автоматчиков.

Только распределились по группам, подоспел городской ОМОН численностью до роты. Посовещались и решили: омовцы будут страховать спецназ со стороны южного въезда. При этом одна их часть войдет в зону и займет позицию вокруг КПП, другая же останется перед воротами – в резерве. Отдельные посты омовцев расположились снаружи ограды – по периметру.

Перед спецназом стояли две задачи: первая – не допустить проникновения осужденных за пределы колонии, а в идеале – выхода их из бараков; вторая – выявить нарушителей среди сотрудников ИК и нейтрализовать их. Был отдан четкий приказ: при оказании вооруженного сопротивления стрелять на поражение.

Четвертая штурмовая группа в составе шести бойцов и командира – капитана Олега Сидорчука, должна была проникнуть на территорию колонии в районе расположения автомастерской и пошивочного цеха – на границе жилой и промышленной зон, где как раз маячила одна из сторожевых вышек. С нее, кстати, не поступало никаких сигналов. Это означало, что охранник, вооруженный автоматом АК-74М, либо уже мертв, либо... просто слинял оттуда.

После получения приказа и сигнала к штурму Сидорчук повел своих «волкодавов» вперед. Приставили специальный трап к стене, легко преодолели забор с колючей проволокой и мгновенно распределились вокруг зданий, присев за укрытиями и держа оружие наготове.

Капитан махнул своим бойцам – трое из них устремились вперед, другие страховали их. Но враг ударил совсем не с той стороны, откуда они ожидали. Неожиданно застрочил автомат сверху, и троих бойцов как косой срезало. На площадке перед автомастерской остались лежать три нашпигованных свинцом трупов.

Капитан заорал, указывая оставшимся спецназовцам на вышку. В следующее мгновение из четырех стволов ударили по противнику. Очереди из калашей и «Вала» изрешетили стальные борта вышки. Стрельба оттуда сразу же захлебнулась. Сидорчук приказал прекратить огонь, выждал секунд пятнадцать и махнул одному из своих – проверь, мол, что там, наверху.

Спецназовец убрал автомат, достал пистолет, привел его в рабочее состояние и осторожно принялся взбираться на вышку. Когда достиг верхней площадки, увидел залитое кровью тело охранника. Решив, что с ним покончено, подал знак своим внизу, но тут «мертвый» внезапно ожил и, вскинув автомат, выпустил в упор короткую очередь. Боец с простреленной грудью мешком полетел вниз. Без промедления шквал огня вновь обрушился на вышку. Пули с воем рикошетили от сварных стоек, дырявили стенки и безжалостно кромсали тело теперь уж точно бездыханного врага.

Капитан подумал, что сейчас сбрендит – едва начали операцию, а почти вся его группа выкошена. Лопухнулись они по полной – и это стоило жизни четверым хорошим парням.

Он приказал одному из оставшихся бойцов занять позицию на вышке и при малейшей попытке сопротивления гасить всех без исключения. Сам вытер испарину со лба. Нет, в такие переделки он ни разу не попадал.

Самое серьезное испытание ему выпало пару лет назад. Несколько обдолбанных наркотой зеков захватили двоих контролеров в СИЗО. Закрылись с заложниками в одном из помещений и стали выдвигать нелепые требования – одно другого хлеще. Пока администрация вела с ними переговоры и, таким образом, тянула время, группа спецназа заняла позицию на крыше здания. В это время их товарищи, вооруженные кувалдами, придвинулись к бронированной двери. Чтобы выломать ее, требовался заряд тротила, кувалды предназначались для другого.

По команде спецназовцы начали долбить по двери, вызвав оглушительный грохот, и, таким образом, отвлекли внимание бандитов. Одновременно двое бойцов – одним из них был тогда еще старлей Сидорчук – спустились по стене вниз, вышибли оконные стекла и бросили внутрь по шумовой гранате. Благо решеток на окнах тут не было. Мгновением спустя, пока преступники были оглушены и приходили в себя, Сидорчук с напарником запрыгнули внутрь, вырубили вооруженных заточками зеков, нацепили на них браслеты и отворили дверь своим товарищам. Тогда обошлось без единого выстрела. Никто не пострадал.

А сейчас полная жопа!

Капитан вытащил рацию и попытался связаться с командирами других отделений.

9

Один из двоих снайперов подразделения спецназа вошел в зону с первой группой. Оценил обстановку и с ходу выбрал удобную позицию – на крыше дежурной части. Во-первых, там имелись выступы кирпичной кладки, за которыми можно было укрыться, но самое главное – прекрасный обзор всей территории промзоны и площади перед зданием Администрации.

Оба снайпера из «Волкодава» не спешили менять свои пристреленные СВД – снайперские винтовки Драгунова на крутые новинки – винтовки ВСС «Винторез» для бесшумной стрельбы. По большому счету, если не обращать внимания на всякие навороты, лучше старой доброй драгуновской снайперки ничего пока не изобрели. Тем более что дальнобойность у нее непревзойденная.

Облаченный в серый камуфляж снайпер из первой группы залег за бортиком, снарядил свою «дуру», изготовился к стрельбе. Как только началась пальба в районе проникновения четвертой группы под командованием капитана Сидорчука, стрелок тут же прильнул к окуляру прицела. Принялся выискивать цель. Заметил на вышке справа палящего по своим автоматчика и уже хотел было срезать его, но спецназовцы из штурмовой группы опередили.

Он переместил взгляд влево, к другой вышке, там тоже уже вовсю шел бой. Вот и тут полная лажа! – автоматчик наверху тоже оказался предателем. Огнем из калашникова он пригвоздил к земле штурмовавших. Кто-то залег, а две фигуры в камуфляже так и остались лежать без движения. Все, отбегали свое пацаны – тут уж никакой броник не поможет.

Снайпер прицелился, выровнял дыхание и на выдохе плавно надавил на спуск. Бух! – голова врага взорвалась красным фонтанчиком. Удалось снять с первого же выстрела! Стрелок быстро переместился в сторону, выставил перископ и принялся обшаривать окрестности. Пока никого не видно.

Сзади послышался шорох. Он мгновенно перевернулся, выставил оружие перед собой. Отбой – один из омовцев забрался к нему, видимо, чтобы прикрыть тыл. Снайпер занял прежнюю позицию и уже не видел, как боец городского ОМОНа, словно заведенный автомат, двинулся к нему и, подойдя вплотную, поднял свою ксушку и выпустил очередь ему в спину.

Убийца закинул автомат на плечо, наклонился, взял винтовку и залег в позицию стрелка. Через некоторое время раздались выстрелы – пять гулких раскатов подряд.

10

Батыр вышел первым, за ним тенью скользнул из барака Валера. Присели на корточки, осмотрелись. Вроде путь свободен. Подольский негромко свистнул – наружу начали выползать зеки.

Короткими перебежками, группами по три-четыре человека они направились к забору, разделявшему жилую и промышленную зоны. Подольский заметил, что три барака, где размещались остальные отряды, были заперты. Ну и хрен с ними, не до них сейчас. Тем более, публика там совсем не боевая – в основном, замеченные за взятки гибэдэдэшники да разная шушера из ППС.

До забора добрались без приключений. Ограда была металлической, но их, матерых волков, это не остановило бы. Впрочем, и спецназовские навыки не понадобились – калитка была распахнута настежь, что Валере не понравилось – словно приглашали их в мышеловку. Но обсасывать это было некогда, сейчас все решала внезапность их марш-броска.

Батыр подозвал троих оперов, махнул им – давайте туда, к площади чешите. Те молча кивнули и только ломанулись к аулу – к зданию Администрации, как распоровшая тишину длинная очередь срезала их.

– Рвем когти! – уже не таясь, заорал бывший собровец и зигзагами побежал через площадь.

Валере повторного приглашения не понадобилось. Он мигом рванул вслед за бугром. Снова застрочил автомат сверху («С вышки стреляют, гады» – промчалась мимо его сознания мысль) – еще двое полегли. Остальным удалось добежать до угла здания, спрятаться.

Батыр подал знак – за мной, и стал подкрадываться к входу. Когда добрался до двери, дернул на себя – та была заперта. Обломчик, господа, маленький такой обломчик. Благодаря ему тут мы все и поляжем.

И, словно в противовес его мрачным мыслям, загремел засов, и тяжелая дверь подалась вперед. Спецназовец Валера-убийца опередил его. Прыгнул вперед, рванул дверь и одним ударом сшиб человека за нею. Осужденные из отряда номер пять просочились внутрь.

Валера с Батыром рассматривали человека, лежащего на полу, и не верили своим глазам: это был не кто иной, как самый главный кум – начальник оперчасти на зоне. Да еще весь увешанный стволами. Вот это называется: фортуна повернулась передом!

Башкир толкнул подельника в бок, довольно скаля зубы: ну, что я тебе говорил?.. Абдульманову было чему радоваться – что бы там ни творилось на их зоне, здесь они в большей безопасности, чем в сраном бараке. Дом, конечно, не крепость, но продержаться в нем можно довольно долго. Должны быть тут и запасы провианта, а главное – оружие. Знал башкир о той заветной комнате – и стволы на опере подтверждали его мысль.

Так, ну, за дело. Воды надо побольше набрать – пока есть, а то еще отрубят вместе с электричеством, когда оклемаются и обложат их. А так все ничего: дверь – броня, на всех окнах решетки. Можно жить. Да вот еще заложник до кучи нарисовался.

Они подняли майора с пола, освободили от оружия, заковали в его же наручники. Бережно поддерживая под локоть – заложник им нужен живым и невредимым, отвели в ближайший кабинет и усадили на стул.

– Слышь, майор, – дружелюбно обратился к куму Батыр, – колись, давай, че тут творится такое?

Слепян сумрачно покосился на зека, промолчал.

– Не-ет, – протянул башкир, ласково улыбаясь, – так не пойдет, абзей. Ты или запоешь соловьем, или я тебя сейчас пошинкую, зажарю и съем. Ты же знаешь, кто в нашем строга-

чалился. Нам терять уже нечего. Вон, спроси его, – он кивнул в сторону примостившегося у окна кореша, – я прав, да, Валера-убийца?

Опер посмотрел на него, перевел взгляд на вроде безучастного к происходящему спецназовцу и все понял – ловить ему с ними было нечего. Это даже не матерые урки, нет, а люди, можно сказать, военные. И поступают с противником тоже по-военному. А сейчас они вышли на войну.

– Ладно, слушайте...

Когда выложил все, что знал, те двое переглянулись. Батыр кивнул корешу – выйдем.

– Это че – крышняк у него поехал, что ли?

– Вряд ли, – мотнул головой Подольский, – похоже на правду. Вспомни того «филина» бешеного. Сам же его резал, а ему хоть бы хны. И с хера ли он наших четверых покрошил?..

– Ну так, мы-то знаем, что побег – это фуфло. И бунт тоже. Тогда... – Батыр почесал небритую щеку. – В общем, че-то я не допер малость. Все тут нарики, что ли? Или не поделили хабар?

Валера задумался на мгновение, хотел было ответить, но тут до них донеслась настоящая канонада – снаружи завязался бой. Они кинулись к окнам, осторожно выглянули. Конечно, ничего особо не разглядели, но, судя по всему, начался штурм. А это значит, прибыл спецназ – тот самый, зоновский. Но вот кто с кем воюет – этого было не понять.

Батыр метнулся к пленному:

– Где оружейка?..

Глава 5

1

Михаил Зверев – командир отделения, состоявшего из восьми бойцов ОМОНа, стоял как раз в наружном оцеплении, возле КПП. Это его радовало – не нужно соваться в зону и подставляться под возможные пули бунтовщиков. Жизнь-то ведь не завхоз по понедельникам выдает из своей каптерки. И вообще, когда прибыли на место и стало возможным оценить обстановку, лейтенант милиции Зверев решил для себя, что бодяга с беспорядками на зоне – это не его телега, вот и нечего в нее впрягаться.

А когда за стенами ментовской колонии разгорелся самый настоящий бой, Миша понял, что пришло время сделать выбор. А он для нормального мужика, не замороженного давлением на совесть и долг, может быть только один: брать ноги в руки и линять отсюда. Пока еще есть время и такая возможность. Пока тебя не положили с вывернутыми потрохами на сырую землю.

Лейтенант скомандовал своему отделению рассредоточиться и занять боевые позиции перед воротами колонии. А сам метнулся к припаркованному у кромки леса милиционеру «Соболю» – якобы за светозвуковыми гранатами и взрывпакетами со слезоточивым газом. Когда подбежал к микроавтобусу, канонада сзади усилилась. В жопу весь этот цирк гребаный!..

Он рванул дверцу водителя, запрыгнул, с полоборота завел движок и спустя несколько секунд дал газу. Плевать на эков, на спецназ и ОМОН... Все – он увольняется из органов. Здоровье дороже!

До города домчался за каких-то пятнадцать минут. Вырулил на проспект и, проехав еще метров триста, бросил машину на обочине. Если надо – свои подберут.

До дома было не так уж и далеко – оставшееся расстояние прошел быстрым шагом. Минут двадцать спустя уже подходил к знакомому ларьку. Тут и на соседа нарвался – весьма кстати...

...Понятно, что всех подробностей Зверев знать не мог. Но он воочию увидел весь масштаб катастрофы, разразившейся в колонии, – и ужаснулся, в чем, конечно, признать Алексею, да и самому себе у него просто не хватило духу.

Он и раньше не был правдив с собой. Ни за что бы не согласился честно сказать себе, что он, Михаил Зверев, богатырь, одаренный могучей силой, тот, от кого, будь он в форме или в штатском, прохожие старались на всякий случай держаться подальше, в глубине души трус.

Там, в той самой глубине, куда Михаил старался не заглядывать, жил какой-то древний, генетический, что ли, страх. Да, Зверев старался побороть его. Для того и в милицию подался, да не просто в милицию, а в ОМОН. Наверное, мог бы податься и в бандиты: там тоже влился бы в компанию вооруженных, сильных, уверенных в себе парней, попросту говоря, стал бы членом стаи, и это также укротило бы противный предательский страх... Однако у Михаила, никогда интеллектом не блиставшего, хватило ума понять, что ОМОН – стая еще круче, а стало быть, там он в большей безопасности. И в самом деле, среди боевых товарищей страх исчез, и Михаил перестал бояться, и на войне был, и пулям не кланялся. Но там все было просто и понятно, а здесь!.. Здесь чутье сразу подсказало, что происходит нечто страшное.

Причем, дело даже не в пламени, грохоте, воплях и стрельбе – этого Михаил не испугался бы. Но то же самое чутье, которого он, в общем-то, не осознавал, взяло его под защиту. Пропадешь! – беззвучно шепнуло оно ему, и он вмиг угадал, что побоище и пожар страшны не сами по себе, а как знак какой-то еще неизвестной, но ужасной беды, разразившейся над этим миром.

2

Алексей шевельнул плечами, прогоняя нехорошую зябкость.

– Да уж, – пробормотал он, – говенная какая-то жизнь пошла.

– Это точно, – подхватил Михаил. – Ну так что, Леха, – он приподнял руку с баллоном, – я у тебя пересижу до вечера примерно, да? Ну, а там видно будет.

Меркурьев подумал, что вряд ли вечером будет что-то видно... однако делать было нечего, и ему осталось лишь сказать:

– Ну, идем.

Игорь со Светой, конечно, глаза вытаращили. Света через секунду вопросительно взглянула на Алексея. Тот с вынужденной галантностью представил незваного гостя:

– Вот, прошу знакомиться. Лейтенант Зверев, гроза преступного мира... – затем назвал биолога с журналисткой.

И уж не укрылось от Алексея, как оживились глаза Михаила при виде Светы, как окинул он девушку взглядом с головы до ног, должно быть, мысленно стянул с нее одежду и мысленно же сглотнул слюну...

Конечно, Меркурьеву это не очень-то понравилось... но, в конце концов – оправдал он Зверева – нормальная мужская реакция, было бы хуже, если бы оказалась какая-нибудь ненормальная. Впрочем, глупости все! – отмахнулся он и сказал:

– Ладно, пошли на кухню.

Михаил протопал туда первым, уселся, распространяя запах казармы, водрузил баллон на стол.

– Ну, хозяин, давай! Кружки у тебя где?.. А, давай сюда. Позвольте поухаживать за вашей дамой?

– Немного, – сухо ответил Алексей, и Михаил понял, что перегибать палку не стоит. Он сменил тему:

– Ясно!.. Кольку, кстати, соседа твоего, не видал сегодня?

– Ну, как же, – усмехнулся Меркурьев, беря кружку. – С него-то все и началось у нас. То есть, началось-то со взрыва... вот, Игорь как раз из того самого института... – и по возможности кратко, доступно пересказал всю сегодняшнюю историю.

Зверев слушал, прихлебывал пиво, к концу рассказа заметно помрачнел.

– М-м... – промычал он, когда Алексей умолк. – Выходит, это... как его?.. экологическая катастрофа?

Меркурьев с Рябиным переглянулись.

– Примерно так, – неохотно признал Игорь.

– Николая начальство вызвало, – сообщил Михаилу Алексей. – Просил не разбегаться, сказал: вернись, поделюсь информацией.

– А, ну это дело, – Зверев почесал щеку грязноватыми ногтями. – Наливай еще.

Алексей кивнул.

Невеселые это были посиделки. Ну, Игорь Рябинин вообще был человек малообщительный, он и в более праздничной обстановке сидел бы сычом; Свету огромный, грубый и нагловатый омоновец заметно напряг: она подсела ближе к Алексею, как бы полуспрятавшись за его спиной, всю ее журналистскую развязность как ветром сдуло.

Да, невесело все это было, но никто из них еще не знал, что день грядущий им готовит – какие новости принесет обещавший вернуться Николай Ракитин...

3

У подъезда Николая ждал все тот же дежурный уазик. Майор прыгнул в него, водила врубил мигалку, и машина понеслась по непривычно пустым улицам.

Впрочем, не так уж они были и пусты. Опытный взор Ракитина сразу просек тревожные приметы – только они выехали из двора, как увидели странную картину: по той стороне улицы два типа стремного вида, воровато озираясь, тащили какие-то здоровенные картонные ящики. Заметив машину со спецсигналами, оба поспешно юркнули в пешеходную арку – только их и видели.

– Сперли что-то, – угадал Ракитин.

– Да не иначе, мать их, – откликнулся водила-прапорщик. – Вообще, Николай Андреич, хрен знает что творится! Народ как с цепи сорвался. Я пока ехал, насмотрелся. На Южном бульваре универсам потрошат... Куда менты смотрят, не знаю!

Майор хмуро усмехнулся:

– Да они и сами перцы еще те...

– А, уж это точно! Первые мародеры. С-суки!.. – припечатал он, и, как показалось Ракитину, на полмгновения в свистящем звуке «с-с...» промелькнула почти неуловимая зависть.

– Ну, а ты-то что? – помолчав, спросил Николай.

– Чего – я? – удивился прапор.

– Ну, как-никак сотрудник силовых структур... Ехал, увидел, как магазин бомбят – чего же мимо пролетел с песней?

– Да ну, скажете тоже, Николай Андреич! Это ментовские дела, вот пусть они и занимаются... А мне велели – пулей! Одна нога здесь, другая там, чтоб вас доставить... Да и оружия нету. Случись что, из чего стрелять буду? Из члена?... Не-ет, мое дело маленькое: баранку крутить, да начальство слушаться. У него башка большая, пусть оно и думает!

«А у тебя вместо башки кукиш?» – подмывало спросить Николая, но он сдержался. Больше ничего путного сказано не было, и вскоре машина лихо подлетела к парадному входу управления МЧС, на городском жаргоне – «Бастиону».

– А, Коля! – вскричал дежурный, завидев спешащего Ракитина. – Шеф тебя обыскался, рвет и мечет. Срочно к нему!

– Знаю, – буркнул майор и устремился в приемную.

Там, странное дело, никого не было. И молчали все телефоны, и темнотой зиял огромный экран информационного табло, и это было непривычно и... и жутковато, вот верное слово.

Однако впадать в рефлексию не годилось. Николай привычно одернул куртку, поправил фуражку, шагнул к огромной двустворчатой двери...

И эта дверь внезапно распахнулась, из нее бомбой вылетел зам начальника Управления, весь красный, даже багровый, точно его вот-вот хватит кондрашка.

– Здра... здравия желаю, товарищ полковник! – опешил Николай.

– И ты будь здоров, майор, – на бегу выкрикнул тот. – В прямом смысле! Здоровье, оно того... Узнаешь! – и выбежал из приемной.

Ракитин оторопело посмотрел ему вслед, пожал плечами, отвернулся и твердо шагнул вперед.

– Разрешите, товарищ генерал!

– А, Николай, заходи... Садись, садись.

Ракитин вообще немало повидал в жизни, а события этих суток вроде бы приготовили его ко всему – и все-таки он удивился. Таким тоном Сергей Петрович с ним еще не разговаривал.

Правда, начальник заметно выделял Николая из массы своих подчиненных, и были в Управлении такие, кто ревниво считал капитана, а потом майора Ракитина генеральским

любимчиком, и возможно, отчасти они были правы, но при всем при том держать любого на дистанции Сергей Петрович умел, да еще как умел! – иных и пот холодный прошибал. А тут почти по-дружески: «заходи... садись...»

Николай присел. Начальство насупилось и покуда молчало... И майор с неожиданным сочувствием увидел, как сдал Сергей Петрович за эти насколько часов – точно не часы были, а годы... и даже генеральские погоны на массивных плечах вдруг показались какими-то поникшими – бессильные крылья павшего ангела.

Но тут начальник удивил подчиненного пуще прежнего.

– Выпить хочешь? – предложил он. – Коньяк. Грузинский, натуральный. Выдержка – полвека.

Николай растерялся.

– Я... то есть... не знаю, – и невольно вырвалось: – Что, товарищ генерал, так плохо все? Тот поднял седые брови как бы в крайнем недоумении... помолчал и признался:

– Да, Коля. Плохо. Может, и бывает хуже, да я пока не встречал... Так ты выпьешь, или нет?

– Нет.

– Ну и правильно. А я выпью.

Он вынул из глубин стола неказистую старую бутылку, рюмку, наполнил ее и одним махом выплеснул коньяк в рот. По кабинету поплыл благородно-грубоватый аромат.

Генерал по-простецки занюхал роскошное послевкусие рукавом.

– Эти наши мудаки... ученые... – морщась, выговорил он, – в той самой лаборатории, оказывается, такое говно месили, что не дай Бог! Я – я, начальник Управления! – ни черта не знал...

– Вы нанороботов имеете в виду?

– Да вроде их, как они там, на хер, называются... Мы с тобой даже примерно не представляли, что это за сволочь!

Ну, Ракитин-то как раз представлял, и потому пришлось ему вторично выслушать то, что он уже знал от Рябина... Но оказалось, что Сергей Петрович, как умелый сценарист, самое яркое припас напоследок.

– ...да ладно, что это я, – прервал он себя, – ты ж меня не дурнее, уже все понял. Так?

– Стараюсь, товарищ генерал.

– Ну-ну, – Сергей Петрович плеснул себе еще в рюмку, махнул ее, густо выдохнул и выдал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.